

**Екатерина Сергеевна Честнова
Вячеслав Васильевич Бондаренко
100 великих русских эмигрантов
Серия «100 великих»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6002540
Сто великих русских эмигрантов: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-6421-8*

Аннотация

Эмигрантами называют людей, вынужденных покинуть Родину по политическим, религиозным, экономическим или иным соображениям. Пожалуй, в мире нет ни одной страны, в которой не оставили бы свой след эмигранты из России. Немалую часть из них составляли выдающиеся ученые и полководцы, поэты и изобретатели, философы и священнослужители, художники и дипломаты, писатели и журналисты. Все они, каждый в своей мере, являлись частью мира Русской эмиграции, границы которого и по сей день никто не может измерить. В книге Вячеслава Бондаренко и Екатерины Честновой рассказывается о ста самых прославленных русских эмигрантах XVI–XX веков.

Содержание

Предисловие	4
Андрей Курбский	7
Григорий Котошихин	11
Алексей Петрович	14
Дмитрий Бутурлин	17
Дмитрий Голицын	19
Александр Остерман-Толстой	21
Орест Кипренский	24
Петр Козловский	27
Зинаида Волконская	30
Николай Тургенев	32
Анна Павловна	34
Владимир Печерин	37
Петр Чихачев	40
Николай Иванов	43
Александр Герцен	45
Михаил Бакунин	48
Петр Долгоруков	52
Иван Турчанинов	55
Петр Кропоткин	58
Илья Мечников	61
Софья Ковалевская	63
Николай Судзиловский	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вячеслав Васильевич Бондаренко, Екатерина Сергеевна Честнова Сто великих русских эмигрантов

*Посвящаем памяти прапрадеда одного из авторов – окончившего
дни в болгарской эмиграции полковника Русской Императорской армии
Анания Васильевича Максимовича (1855–1929)*

Предисловие

Уважаемый читатель!

Приступая к созданию этой книги, авторы ставили перед собой две основные задачи. Первая – еще раз напомнить о том, какое колоссальное влияние оказали уроженцы России на судьбу мира. Эти слова только на первый взгляд звучат как преувеличение. Ведь достаточно познакомиться с биографиями, сведенными воедино под этой обложкой, чтобы понять – без этих людей жизнь и России, и всего мира действительно была бы иной. И если читатель откроет для себя чье-то незнакомое ранее имя и проникнется уважением к нашим землякам, оставившим след в мировой истории, авторы будут считать эту задачу выполненной.

Вторая задача – это внести посильный вклад в разрушение нескольких мифов о русской эмиграции, сложившихся в массовом сознании за последнее время. **Миф первый: «Русская эмиграция началась в 1917 году, когда Россию покинуло огромное количество людей, не пожелавших жить при новой власти».** Действительно, «первая волна» эмиграции была самой массовой в истории страны (тогда, по разным оценкам, ее покинуло от 1,5 до 2,5 миллиона человек) и стала одной из национальных трагедий России. Но эмигрировали – то есть покидали Родину по политическим, экономическим или религиозным соображениям, люди из России и задолго до октябрьских событий 1917-го, и многие годы спустя. Эта книга призвана представить читателю весь временной спектр русской эмиграции – от «невозвращенцев» XVI–XVII столетий до «третьей волны» 1980-х годов, не замыкаясь в рамках Великого Исхода 1917–1922 годов.

Миф второй: «Центром русской эмиграции был Париж». В 1930-х – действительно, но ведь на карте мира практически нет такой страны, в которой не оставили бы свой след выходцы из России. Поэтому география «100 великих русских эмигрантов» очень широка – здесь и Китай, и Парагвай, и Гавайские острова, и Индонезия, и ЮАР... Конечно, с Парижем читатель этой книги тоже встретится, и не раз, но хотелось бы, чтобы эмигрантские судьбы, связанные с другими городами и весями, не остались без нашего внимания.

Миф третий: «В основном из России эмигрировали писатели и философы». Этот миф сложился на рубеже 1980–90-х годов, когда в Россию массово хлынули ранее запрещенные произведения творцов Серебряного века, покинувших Родину. Конечно, им принадлежит ключевое место в истории русской эмиграции, они давно и безоговорочно вошли в пантеон великих людей России и мира. Но у этого есть и обратная сторона – зачастую рассказ о русской эмиграции XX века (и русской эмиграции вообще) сводится к тиражированию одного и того же стандартного списка лиц, кочующего из книги в книгу, из статьи в статью... При всем к ним уважении «звезды» и «суперзвезды» Серебряного века не должны затмевать для нас других выдающихся представителей эмиграции – военных, ученых, путешественников, художников, актеров театра и кино. Именно поэтому биографии широко известных, «хрестоматийных» эмигрантов включены в книгу лишь выборочно. Предпочтение отдава-

лось судьбам, может, и «нераскрученным», внешне более скромным, зато демонстрирующим богатство талантов русской эмиграции. Авторы надеются, что те, о ком сейчас в России помнят только специалисты, после появления этой книги тоже обретут статус национальных героев, в их честь назовут улицы в их родных местах, задумаются о создании музея...

Необходимая часть предисловия – это пояснения на счет того, **кого в этой книге нет**. Безусловно, считать всех эмигрантов национальными героями и пламенными патриотами только на том основании, что они покинули Родину, неправомерно. Уезжали из России самые разные люди и при самых разных обстоятельствах. Поэтому ряд лиц не включен в перечень 100 великих русских эмигрантов по принципиальным соображениям. Прежде всего в нем нет изменников и предателей, лиц, в той или иной форме сотрудничавших с нацистами в годы Второй мировой войны. Нет также многих российских деятелей XVIII–XIX столетий, проводивших много времени вне России и активно использовавших в быту и творчестве иностранные языки, но эмигрантами себя не считавших. Например, знаменитые русские писатели В.А. Жуковский, князь П.А. Вяземский, И.С. Тургенев в старости провели за рубежом как минимум полтора десятка лет, скончались в Европе – и тем не менее эмигрантами они при этом не являлись.

Безусловно, биографии некоторых персоналий, вошедших в книгу, могут вызвать – и вызывают – полярные оценки. Это, к примеру, А.М. Курбский, Г.К. Котошихин, Н.И. Тургенев, В.С. Печерин, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, Н.К. Судзиловский, А.И. Деникин, П.Н. Врангель. Для кого-то это крупные общественные, военные, политические деятели, для кого-то – отщепенцы, отрекшиеся от Родины и всю жизнь посвятившие работе против нее (или как минимум ее резкому осуждению). Но с тем, что они внесли огромный вклад в культурную и общественную жизнь, остались в истории как яркие колоритные фигуры, влияли на умы и судьбы своих современников, спорить сложно.

Главным образом в книге представлены именно русские по национальности эмигранты. При этом стоит учитывать, что до 1917 года национальность «русский» подразумевала великороссов, малороссов и белорусов и лишь потом была искусственно ограничена представителями только первой этнической группы. Уроженцы Российской империи и СССР – представители иных национальностей представлены немногими персоналиями, внесшими большой вклад в жизнь русской эмиграции или ставшими неотъемлемой частью русской и мировой культур.

Обычно эмигрантами не принято признавать тех, кто был вывезен из страны родителями в детском возрасте. Но, на взгляд авторов, такой подход правомерен далеко не всегда. Скажем, считать русскими эмигрантами Айзека Азимова или Юджина Глухарёффа, Юла Бриннера или Дэвида Сарноффа, Зино Давидовича или Миллу Йовович действительно нет никаких оснований – они, хоть и родились в России или СССР, целиком принадлежат западной культуре и истории. А вот герои этой книги Марина Шафрова-Марутаева, Вера Оболенская, Татьяна Маслова и Владимир Третчиков хотя и покинули Родину еще в раннем детстве вместе с родителями, но за рубежом были воспитаны в русской культуре, создали русские семьи и осознавали себя именно русскими, поэтому сегодня мы имеем полное право считать их нашими земляками и гордиться ими.

Нет в этой книге также и очерков о людях, которых часто включают в число русских эмигрантов, но которые на самом деле не являются таковыми. Речь идет о потомках эмигрантов «первой» и «второй волн», рожденных уже за рубежами России. Зачастую такие люди играют весомую роль в современном мире. К примеру, это знаменитый голливудский композитор Уолтер Афанасьев (родился в Бразилии), губернатор австралийского штата Виктория Алекс Чернов (родился в Литве), крупный американский бизнесмен Игорь Олеников (родился в Иране), премьер-министр Полинезии Александр Леонтьев (родился в Полинезии)

и другие. Но, при всем к ним уважении, к России эти люди имеют весьма отдаленное отношение и являются иностранцами русского происхождения.

Авторы сознательно не включали в книгу очерки о персоналиях, которые стали эмигрантами относительно недавно. Таких персон за 20 лет истории независимой России тоже было немало, и шум вокруг них поднимался зачастую громкий. Но вспомним, что серия издательства «Вече» называется «100 великих...», а слова «великий» и «знаменитый» (варианты: «скандально известный», «популярный», «пресловутый») имеют, согласитесь, все-таки разное значение. К тому же современная эмиграция – понятие крайне «размытое» и требующее отдельного исследования.

Тема русской эмиграции поистине необъятна. Вполне можно (и нужно) писать отдельные книги «100 великих русских эмигрантов-писателей», «100 великих русских эмигрантов-ученых», «100 великих русских эмигрантов-художников»... Так что выбор авторов при составлении словника персоналий неизбежно был субъективным. Но все-таки основной критерий, которым они руководствовались, один – герои этой книги так или иначе прославили себя, а значит, и Родину, причем далеко за ее пределами.

Вячеслав Бондаренко, Екатерина Честнова

Андрей Курбский

(1528–1583)

«Князь Курбский от царского гнева бежал...» Так начинается написанная в 1840-х гг. знаменитая баллада графа А.К.Толстого. С момента бегства Андрея Курбского в Ливонию прошло уже четыре с половиной столетия, но до сих пор его личность вызывает самые противоречивые отзывы у историков и исследователей его биографии. Они сходятся лишь в одном – Андрей Михайлович Курбский был фигурой необыкновенно колоритной. Одаренный разнообразными талантами – военачальник, придворный, писатель, – он покинул Родину навсегда в далеком апреле 1564 г...

Род Курбских был древним и знатным. Его название, по легенде, происходит от ярославского села Курба, которое было пожаловано им во владение. Князья Курбские были служилыми людьми, но особенных успехов при дворе русских великих князей и царей не добились. Андрей Михайлович родился в 1528 г. в семье Михаила Михайловича Курбского и его жены Марии Михайловны, урожденной Тучковой, получил хорошее образование и рано поступил на военную службу. В возрасте 21 года стольник Андрей сопровождал царя Ивана IV в первом Казанском походе, затем на короткое время был назначен воеводой в город Пронск, но вскоре вернулся в армию. В 1551-м его полк правой руки участвовал в сражении под Тулой с войсками крымского хана Девлет-Гирея. В бою на берегу реки Шивороны Курбский был ранен в голову, плечи и руки, но через неделю вернулся в строй.

Во время осады Казани 2 октября 1552 г. командир полка правой руки Курбский героически проявил себя во время кровопролитного штурма Елбугиных ворот, а затем во главе группы из 200 всадников напал на отступавший татарский отряд численностью в 5 тысяч воинов и сражался до тех пор, пока не потерял сознание от ран. В «Царственной книге» этот эпизод изложен так: «А воевода кн. Андрей Мих. Курбский выеде из города, и вседе на конь, и гна по них, и приехав во всех в них; они же его с коня збив, и его секоша множество, и преидоша по нем за мертвого многие; но Божиим милосердием последи оздравел; татарове же побегаша на рознь к лесу».

Герб князя Андрея Курбского

Смелость, решительность и военные таланты молодого князя обеспечили ему симпатии Ивана IV. Немалую роль здесь сыграла и преданность, которую выказал Курбский во время политического кризиса 1553 г., разразившегося во время тяжелой болезни царя. В знак милости он после выздоровления взял Курбского с собой на богомолье в Кирилло-Белозер-

ский монастырь, а в 1554 и 1556 гг. доверил сложные военные операции по усмирению восставших вотяков и черемисов, после чего пожаловал боярское звание.

В январе 1558 г. началась война Московского государства с Ливонским орденом. Курбскому доверили командование передовым полком, но первая ливонская кампания оказалась для русских успешной и несложной, и вскоре князя направили на южное направление, которому угрожали крымцы. Но тут опять обострилась ситуация в Ливонии – в августе 1559 г. практически разгромленный орден заключил союз с Польшей, военные действия возобновились, и полководческий талант Курбского срочно понадобился на севере. Возглавляемый им передовой отряд действовал быстро и успешно – несколько боев, происходивших на территории нынешних Латвии и Эстонии, завершились победой русских. Но в августе 1562 г. военное счастье впервые изменило князю Андрею Михайловичу – его 15-тысячное войско потерпело поражение под Невелем от 4-тысячного отряда поляков. Иван IV попрекнул своего любимца этой неудачей, но никакой опалы для Курбского тем не менее не последовало – в марте 1563 г. он был назначен воеводой в только что захваченный у ливонцев Юрьев (ныне Тарту, Эстония).

Внешне придворное положение Курбского выглядело вполне прочно, и никакой «царский гнев», о котором речь идет в стихотворении А.К.Толстого, ему не грозил. Поэтому для всех стало полной неожиданностью известие о том, что князь Андрей Михайлович ночью 30 апреля 1564 г., оставив на произвол судьбы беременную жену и сына, в сопровождении 19 человек бежал из Юрьева в ливонский город Вольмар (ныне Валмиера, Латвия). Там его тепло встретили уже ждавшие его представители польской армии. Правда, еще по пути, в замке Гельмет, стоявшие там шведы, не знавшие о договоренности между Курбским и поляками, обобрали перебежчика как липку – отобрали все золото, которое князь вывез с собой, забрали лошадей и даже сняли лисью шапку.

Что именно побудило князя пойти на такой шаг, сказать сейчас крайне трудно: сам Курбский ни словом не обмолвился о причинах бегства. Возможно, его подтолкнуло к действию «малое слово гневно», о котором упоминает в своем письме Иван IV и которое Курбский счел предвестием неминуемой опалы и гибели. Но возможны и другие причины. Известно, что польский король Сигизмунд-Август и лично, и через витебского воеводу Ю.Н. Радзивилла приглашал Курбского перейти на свою сторону, обещая богатую награду – сначала в «закрытых листах», то есть в неофициальных секретных письмах, а затем в «открытых», с королевской подписью и печатью. Уже в январе 1563 г. князь состоял в тайной переписке с представителями противника. Было Курбскому известно и о том, что в Польше живет множество православных магнатов, которые стеснены в своем поведении гораздо меньше, чем московские бояре. Кроме того, в ту эпоху переход «княжат» из пограничных областей двух государств туда-сюда вообще не был чем-то из ряда вон выходящим. Многие из них присягали то польскому королю, то русскому царю – в зависимости от того, на чьей стороне была военная удача и чья власть обещала больше выгод. Правда, Иван IV прекратил эту практику, что, по всей видимости, вызывало недовольство Курбского – в одном из своих писем царю он упрекал его в том, что тот «закрыв царство русское, то есть свободное естество человеческое, как в адской твердыне».

Так или иначе, Курбский решился на побег. Гнев Ивана Грозного был страшен. Ведь к полякам перешел не кто-нибудь, а его ближайший соратник, с которым он был знаком с юных лет!.. Царь распорядился бросить мать, жену и девятилетнего сына перебежчика в застенки (все трое умерли там), смерть постигла также родных братьев Курбского, его имения были конфискованы в казну. Позднее в одном из своих сочинений князь писал: «Был я несправедливо изгнан из Богоизбранной земли и теперь являюсь странником... И мне, несчастному, что царь воздал за все мои заслуги? Мою мать, жену и единственного сына моего, в тюрьме заточенных, уморил различными горестями, князей Ярославских, с которыми я одного рода,

которые верно служили государю, погубил различными казнями, разграбил мои и их имения. И что всего горше: изгнал меня из любимого Отечества, разлучил с любимыми друзьями». Однако в этом отрывке, мягко говоря, многое неверно: никто Курбского из Отечества не изгонял, а репрессии его близких были спровоцированы именно его побегом.

Польский король сдержал слово и щедро одарил перебежчика. 4 июля 1564 г. ему было пожаловано местечко Крево и 10 сел в его окрестностях, а на Волыни – местечко Милянчицы с дворцом, местечко Вижва с замком, город Ковель с замком и 28 сел. Поселился бывший русский князь в Милянчицах, недалеко от Ковеля. Поскольку поместья ему дали только во временное пользование (так называемую «крулевщину»), окрестные паны тут же начали вторгаться во владения Курбского, захватывать земли, угонять к себе крестьян. Курбский не остался в долгу – между ним и соседями развернулась настоящая война с убитыми, ранеными и пленными. Но 25 февраля 1567 г. король «в награду за добрую, цнотливую (доблестную), верную, мужную службу во время воевания с польским рыцарством земли князя Московского» пожаловал Курбскому Ковель, Крево и окружавшие их села уже в вечную собственность. Тем не менее «ненавидимые и лукавые соседи» по-прежнему оставались недоброжелательны Курбским и на Люблинском сейме 1569 г. даже подали отдельную жалобу на него. Королю пришлось специально разъяснять, что поместья пожалованы князю за его исключительные заслуги и пересматривать это решение никто не будет. И все-таки тяжбы и склоки, время от времени переходящие в боевые действия, между Курбским и его соседями продолжались и позже.

Правда, при ближайшем рассмотрении ратные заслуги Курбского на польской службе исключительными назвать сложно. Он дважды участвовал в осаде Полоцка – в октябре 1564-го и августе 1579-го, а в июне 1581-го должен был воевать под Псковом, но заболел и поручил командование своим отрядом другому. Единственным крупным успехом Курбского-военачальника на польской службе стало сражение, которое он выиграл в январе 1565 г. под Великими Луками. Тогда 4-тысячный польский отряд под руководством князя разгромил 12-тысячную русскую армию. После этого Курбский настойчиво просил короля дать ему 30-тысячное войско, во главе которого он намеревался завоевать Москву. При этом князь предлагал приковать его цепями к телеге, окруженной стрельцами, и при малейшем подозрении в неверности тут же застрелить. Но руководство крупными соединениями поляки ему так и не доверили.

Любопытно, что в католичество Курбский не перешел, до конца своих дней оставаясь православным. Да и в его письмах проскальзывают упоминания о том, что происходившие в Московии события, «как моль», точили его сердце. До конца слиться с новой жизнью и растоптать в себе муки совести Курбский так и не смог. По-видимому, он одновременно считал себя и правым, и виноватым.

Наибольшую известность князю Андрею Михайловичу принесла его литературная деятельность. На фоне других знатных людей того времени князь выглядел настоящим энциклопедистом – он прекрасно знал древнюю и современную литературу и философию, рекомендовал молодым людям изучать не только Священное Писание, но и «шляхетные», то есть светские науки – риторику, грамматику, диалектику, астрономию. Уже в преклонные годы, сетуя на то, что «святорусская земля голодом духовным тает», Курбский изучил латинский язык и лично сел за переводы церковных сочинений Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста.

После бегства в Ливонию князю Андрею Михайловичу выпала возможность, которая не доставалась никому из эмигрантов после него, – высказать свои взгляды на политику в письме к своему главному оппоненту (в данном случае Ивану IV) и получить в ответ не молчание или высокомерную отписку, а такое же обстоятельное «открытое письмо». Переписка Курбского с царем началась сразу же после эмиграции князя, в апреле 1564 г. В первом

письме, которое Курбский отправил царю из Вольмара, автор горестно восклицал: «Какого только зла и гонения я от тебя не претерпел! И сколько бед и напастей на меня ты навлек! И сколько ложных обвинений на меня ты возвел!» Главным образом князь упрекал царя в том, что он перестал прислушиваться к советам верных слуг. В ответных письмах царь не только обвинял перебежчика в измене и отвергал его упреки, но и объяснял свою позицию, излагал соображения по поводу дальнейшего развития Российского государства. «Переписка Грозного с Курбским» стала одним из ценнейших памятников русской литературы.

Семейная жизнь Курбского в Польше сложилась счастливо лишь со второй попытки. В 1571 г. он женился на знатной и богатой польке Марии Юрьевне, урожденной княжне Гольшанской. Но этот брак закончился тем, что Курбский потребовал развода с супругой и в апреле 1579 г. женился на девице из бедного дворянского рода – Александре Петровне Семашко, которая родила ему дочь Марину и сына Дмитрия. Скончался Курбский в мае (между 3 и 23-м числами) 1583 г. и был похоронен в трех верстах от Ковеля, в монастыре Святой Троицы в Вербке. Могила его не сохранилась. Шесть лет спустя решением суда Ковель был отобран у наследников Курбского и передан другому владельцу.

Род Курбских угас на внуке Андрея Михайловича – Яне, умершем без потомства в 1672 г. Но двадцать лет спустя в России объявились самозванцы – представители мелкого витебского рода Крупских, объявившие себя потомками знаменитого князя. Их приняли на русскую службу, но в дальнейшем самозванцы никак себя не проявили и закончили свои дни на каторге.

С годами облик подлинного, реального политика, полководца и писателя князя Курбского практически забылся. Он превратился в легенду, романтическую фигуру, стал героем стихотворений, исторических романов и драм, в которых его образ трактовался в зависимости от позиции автора. Например, М.М. Херасков в поэме «Россияда» упоминал Курбского как «некого ярого льва», вельможу, который искренне любит Отечество; К.Ф. Рылеев в своей балладе описывал его как «в Литве враждебной грустного странника», А.С. Пушкин в «Борисе Годунове» сочувственно назвал его «несчастливым вождем», а первый биограф князя В.Ф. Тимковский писал о Курбском так: «Он имел ум твердый, проницательный и светлый, дух высокий, предприимчивый и решительный... Сердце его расположено было к глубоким чувствам любви к отечеству, братской нежности и искреннейшей благодарности; душа его открыта была для добра. Он был верный слуга самодержавия и враг мучительского самовластия. Презирал ласкателей и ненавидел лицемерие. Его просвещенная набожность и благочестие были, кажется, выше понятий того века, в котором он жил... Храбрость и вообще воинские доблести почитал он весьма высоко и, чувствуя в себе дар сей, позволил себе некоторую рыцарскую гордость, которая презирала души слабые и робкие. В самом деле, храбрость его была чрезвычайна, даже походила иногда на запальчивую опрометчивость и дерзость необузданную, и во всяком случае напоминает она мужество древних Русских Богатырей, или Витязей Гомеровых». Сейчас в Курбском видят то «первого русского диссидента» и борца за свободу, человека, значительно опередившего свое время, то обычного изменника, прельстившегося службой в иностранной армии. Как справедливо заметил современный биограф князя А.И. Филюшкин, «данный образ не имеет отношения к реальному Курбскому и в наши дни стал шаблонным символом правдолюбца, обличающего власть, причем даже не важно, с каких позиций». Но, по всей видимости, отсчет истории русской политической эмиграции все же можно вести именно с Курбского.

Григорий Котошихин

(1630-е – 1667)

Григорий Карпович Котошихин родился в семье казначея одного из московских монастырей в начале 1630-х гг. С юных лет он служил в приказе Большого дворца – сначала писцом, затем подьячим – и, видимо, сумел проявить себя, так как в марте 1658 г. принял участие в работе русского посольства в Вильне. После этого Котошихин в декабре 1658 г. был переведен в Посольский приказ с окладом 13 рублей в год. Дальнейшие известия о службе Котошихина отрывочны. Он участвовал в подготовке Кардисского мира со Швецией, для чего неоднократно посещал Ревель (ныне столица Эстонии Таллин) и Стокгольм. Деятельность русского дипломата высоко оценили как шведы – от них подьячий получил в подарок два серебряных бокала, – так и соотечественники: на русской службе годовой оклад Котошихина был увеличен на 6 рублей. О способностях подьячего как каллиграфа свидетельствует красноречивый факт: именно ему поручалось собственноручно писать письма от имени русского царя королю Швеции. Впрочем, случались и просчеты: в одной из грамот Котошихин по недосмотру пропустил слово «Государь», из-за чего был наказан батогами.

В 1661-м на Котошихина обрушилась беда. Думный дворянин Прокофий Елизаров обвинил отца подьячего в растрате, и в итоге у Григория Карповича отобрали московский дом со всем имуществом, вышвырнув его самого с женой и отцом на улицу. Все попытки вернуть имущество оказались тщетными – Елизаров был судьей Земского приказа и тягаться с ним оказалось очень сложно даже такому опытному чиновнику, как Котошихин. Вероятно, именно во время этой тяжбы в его душе зародилась обида, которая и толкнула его на дальнейшие действия. Когда в 1663 г. в Москву для ведения переговоров прибыл шведский дипломат Адольф Эберс, Котошихин за 40 рублей сообщил ему размеры уступок, на которые уполномочены пойти русские послы. Швед был чрезвычайно рад заполучить такого агента, но в апреле 1664 г. Котошихина неожиданно отправили в Смоленск – там начались переговоры с представителями польской армии, и дипломата решили задействовать в них.

Первая страница Записки о России в царствование Алексея Михайловича Григория Котошихина 1666 г.

Во время этих переговоров начальник Котошихина, князь Юрий Алексеевич Долгоруков, потребовал от подчиненного написать донос на своего предшественника – дескать, именно по его вине русская армия понесла огромные потери. За это Долгоруков обещал Котошихину помочь вернуть московский дом и продвинуть по службе. Клеветать Григорий Карпович не захотел, но и прямо отказать Долгорукову для него было равносильно само-

убийству – за это известный своим крутым нравом боярин стер бы его в порошок. Оказавшись между двух огней, Котошихин принял отчаянное решение бежать в Речь Посполитую.

Когда именно совершился побег, неизвестно. Вероятно, это произошло на рубеже 1664 и 1665 гг. В Вильне беглый подьячий подал прошение на имя польского короля Яна-Казимира и был принят на службу канцлера Великого княжества Литовского. Годовой оклад Котошихина составил впятеро большую сумму, чем в России, – 100 рублей. Фамилию подьячий сменил и отныне звался Яном-Александром Селицким.

Впрочем, заурядная служба в польской провинции, по-видимому, не устраивала Котошихина. После того как несколько его писем королю остались без ответа, он летом 1665 г. бежал из Польши в Силезию, откуда пробрался в Пруссию и оттуда в Любек. В октябре 1665 г. Котошихин на корабле прибыл из Любека в Нарву. Скитания по Европе не пошли ему на пользу – до Нарвы он добрался с обмороженными ногами, голодный, оборванный, без копейки денег. К счастью, в Нарве Котошихин встретил старого знакомого, шведского подданного Кузьму Овчинникова, который отвел Григория к губернатору города Якобу Таубе. Тот, с трудом узнав в нищем оборванце бывшего московского дипломата, пять лет назад встреченного в Стокгольме, распорядился выдать русскому одежду и небольшую сумму денег.

По всей видимости, к этому времени Котошихин сильно раскаивался в своей эмиграции, так как, узнав о том, что в Нарве находится его старый сослуживец Михаил Прокофьев, поспешил к нему. Но тот не только не стал общаться со знакомцем, но и немедленно сообщил новгородскому воеводе князю В.Г. Ромодановскому о перебежчике. Воевода тут же потребовал у шведов выдать «вора» и отрядил для этого в Нарву стрелецкого капитана. Но шведы, как выяснилось, выдавать Котошихина вовсе не собирались. Для безопасности его посадили в тюрьму, где и держали до 9 декабря 1665 г., когда в Нарву прибыл старый знакомый подьячего – Адольф Эберс. Он привез бумагу, разрешавшую Котошихину переезд в Стокгольм и поступление на государственную службу.

5 февраля 1666 г. Котошихин прибыл в столицу Швеции. Его принял король Карл XI, который распорядился выдать эмигранту 150 далеров серебром. В том же году Григорий Карпович приступил к работе над обширной запиской о России, которая была заказана ему шведским государственным канцлером Магнусом Делагарди. Шведские власти были весьма заинтересованы в работе Котошихина и 29 ноября 1666 г. назначили ему немалое жалованье – 300 далеров серебром в год. Поселился Котошихин в Стокгольме в доме старого знакомого, переводчика Даниила Анастасиуса, с которым у него сложились теплые отношения.

Все испортил, как это часто бывает, обыкновенный алкоголь. 25 августа 1667 г. Анастасиус поссорился с женой, после чего Котошихин по ее просьбе помирил супругов. Домовладелец с постояльцем вместе отправились в город, чтобы купить в знак примирения кольцо. Вернулись оба вдрызг пьяные и начали выяснять отношения. Анастасиус обвинял Котошихина в ухаживаниях за женой, гнал из дома, выкрикивал оскорбления. В конце концов завязалась драка, в разгар которой Котошихин несколько раз ударил хозяина дома «испанским кинжалом». Раны оказались смертельными, и 9 сентября Анастасиус умер.

Котошихин переживал случившееся очень тяжело – будучи в тюрьме, он попытался покончить с собой. 26 сентября шведский суд приговорил его к смертной казни, но отсрочил ее исполнение специально для того, чтобы Григорий Карпович смог ознакомиться с основами лютеранской веры, которую он захотел принять перед смертью. В начале ноября 1667 г. Котошихин был обезглавлен в Стокгольме. Хоронить казненного не стали – его тело перевезли в Упсальский университет и предоставили медикам для препарирования. Скелет Котошихина хранился в Упсале еще долгие годы...

В истории имя Григория Котошихина осталось благодаря его главному сочинению – написанной в 1666 г. «Записке о России в царствование Алексея Михайловича». Ее перевод

на шведский язык был обнаружен в 1837 г. профессором Гельсингфорского университета С.В. Соловьевым, а в 1838-м в Упсале отыскался и собственноручно написанный и великолепно оформленный самим Котошихиным оригинал. Разделенное на 13 глав, сочинение эмигранта, в сущности, является обстоятельным путеводителем по жизни и быту россиян середины XVII столетия. Написанная ярким и энергичным языком «Записка...» – бесценный исторический и литературный памятник. Она четырежды издавалась в России, в последний раз – в 1906 г., после чего оказалась основательно задвинута «на задворки» истории русской литературы. Уж больно «неподходящей» считалась биография ее автора...

Алексей Петрович

(1690–1718)

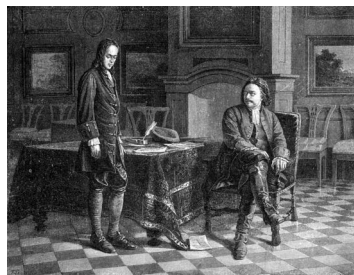
Царевич Алексей Петрович родился 18 февраля 1690 г. в подмосковном селе Преображенском в семье царя Петра I и царицы Евдокии Федоровны, урожденной Лопухиной. Раннее детство Алексея прошло в обществе матери и бабушки, царицы Натальи Кирилловны, а после сентября 1698 г., когда Евдокия была заточена в Суздальский монастырь, Алексея взяла на воспитание тетка, царевна Наталья Алексеевна. Мальчик отличался любознательностью и способностью к изучению иностранных языков, по характеру был спокойным, склонным к созерцанию. Он рано начал бояться отца, чьи энергичность, вспыльчивость и склонность к преобразованиям скорее отталкивали, чем привлекали Алексея.

Образованием царевича занимались иностранцы – сначала немец Нейгебауэр, потом барон Гюйссен. Параллельно Петр старался приобщить сына к военному делу и периодически брал его с собой на фронт Северной войны. Но в 1705 г. Гюйссен перешел на дипломатическую службу, и 15-летний царевич, в сущности, оказался предоставлен самому себе. Большое влияние на него начал оказывать его духовник, отец Яков. По его совету в 1707 г. царевич навестил в Суздальском монастыре свою мать, чем вызвал гнев Петра. Отец начал нагружать сына разными поручениями, связанными с армией, – так, Алексей побывал с инспекциями в Смоленске, Москве, Вязьме, Киеве, Воронеже, Сумах. В конце 1709 г. царь отправил сына в Дрезден, под предлогом дальнейшего изучения наук, а на самом деле желая устроить его брак с немецкой принцессой. В качестве кандидатуры была выбрана София-Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская, и хотя Алексей не питал к ней особенных симпатий, но и перечить воле отца не стал. В октябре 1711 г. в Торгау в присутствии Петра I Алексей женился на Софии. Как и следовало ожидать, счастливым этот брак не стал. В 1714 г. у Алексея и Софии родилась дочь Наталия, а 12 октября 1715-го – сын Петр. Десять дней спустя София скончалась от последствий родов.

К этому времени царь был уже сильно недоволен сыном. Его раздражало как пристрастие Алексея к вину, так и его общение с людьми, которые составляли скрытую оппозицию Петру и его политике. Особую ярость царя вызвало поведение наследника перед экзаменом, который Алексей должен был сдать после возвращения из-за границы в 1713-м. Царевич так боялся этого испытания, что решил прострелить себе левую руку и таким образом избавить себя от необходимости делать чертежи. Выстрел оказался неудачным, руку только опалило порохом. Петр пришел в такой гнев, что жестоко избил сына и запретил ему появляться во дворце.

В конце концов царь пригрозил лишить Алексея наследственных прав, если он не изменит своего поведения. В ответ Алексей сам отказался от престола не только за себя, но и за новорожденного сына. «Понеже вижу себя, – писал он, – к сему делу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать) и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я. Того ради наследия (дай Боже Вам многолетнее здравие!) Российского по вас (хотя бы и братца у меня не было, а ныне, слава Богу, брат у меня есть, которому дай Боже здоровья) не претендую и впредь претендовать не буду». Петр I остался недоволен таким ответом и еще раз призвал сына или изменить поведение, или постричься в монахи. Царевич посоветовался с ближайшими друзьями и, услышав от

них многозначительную фразу о том, что «клобук к голове не прибит будет», согласился на постриг. Впрочем, царь, отбывавший за границу, дал Алексею на раздумья еще полгода.

Петр I и царевич Алексей. Гравюра с картины Н.Н. Ге. XIX в.

Именно тогда у царевича созрел план бежать за границу. Ближайшим помощником царевича стал бывший приближенный Петра I Алексей Васильевич Кикин. В сентябре 1716-го Петр прислал сыну письмо, где приказывал немедленно прибыть в Копенгаген для участия в военных действиях против Швеции, и Алексей решил воспользоваться этим предложением, чтобы скрыться без помех. 26 сентября 1716 г. вместе с любовницей Ефросиньей Федоровой, ее братом и тремя слугами царевич отбыл из Петербурга в Либаву (ныне Лиепая, Латвия), откуда через Данциг направился в Вену. Такой выбор был неслучайным – император Священной Римской империи Карл VI, резиденция которого находилась в Вене, был женат на сестре покойной супруги Алексея. В Вене царевич явился к австрийскому вице-канцлеру графу Шенборну и попросил предоставить ему убежище. В знак благодарности за гостеприимство Алексей предлагал австрийцам следующий план: он, Алексей, дожидается в Австрии смерти Петра, а затем с помощью австрийцев занимает русский престол, после чего распускает армию, флот, переносит столицу из Петербурга в Москву и отказывается от ведения наступательной внешней политики.

В Вене этим планом заинтересовались, однако открыто предоставлять приют беглецу не рискнули – ссориться с Россией в планы Карла VI не входило. Поэтому Алексея под видом преступника Кохановского отправили в тирольский замок Эренберг. Оттуда он по тайным каналам отправил в Россию несколько адресованных влиятельным представителям духовенства писем, в которых осуждал политику отца и обещал вернуться страну на старый путь.

Между тем в России начались розыски беглеца. Петр I приказал русскому резиденту в Вене Веселовскому во что бы то ни стало разыскать царевича, и тот довольно скоро выяснил, что местопребыванием Алексея является Эренберг. Одновременно русский царь вступил в переписку с Карлом VI, требуя вернуть Алексея в Россию «для отеческого исправления». Император уклончиво ответил, что об Алексее ему ничего не известно, но, видимо, дальше решил не связываться с опасным беглецом, потому что Алексея решили отправить из пределов Австрии в крепость Святого Эльма возле Неаполя. Впрочем, русские агенты «вычислили» беглого царевича и там. В сентябре 1717 г. небольшая русская делегация во главе с графом П.А. Толстым явилась в Неаполь и начала уговаривать Алексея сдаться. Но тот был непреклонен и возвращаться в Россию не желал. Тогда пришлось пойти на военную хитрость – русские подкупили секретаря неаполитанского вице-короля, и тот «по секрету» сообщил Алексею, что австрийцы не собираются его защищать, планируют разлучить с любовницей и что в Неаполь уже едет сам Петр I. Услышав об этом, Алексей впал в панику и начал искать контактов со шведами. Но его успокоили – обещали, что ему будет разрешено жениться на любовнице и вести в России частную жизнь. Письмо Петра от 17 ноября, в котором царь обещал полное прощение, окончательно убедило Алексея в том, что все в порядке. 31 января 1718 г. царевич прибыл в Москву, а 3 февраля произошло его свидание с отцом. В присут-

ствии сенаторов Алексей раскаялся в содеянном, а Петр подтвердил свое решение простить его, поставив лишь два условия: отказ от прав на престол и выдача всех сообщников, помогавших царевичу бежать. В тот же день Алексей в Успенском соборе Кремля отрекся от прав на трон в пользу своего трехлетнего сына Петра.

4 февраля начались допросы Алексея. В «допросных листах» он подробно рассказал все о своих сообщниках, фактически свалив всю вину на них, и, когда их казнили, решил, что все худшее позади. С легким сердцем Алексей начал готовиться к свадьбе с Ефросинией Федоровой. Но она, возвращавшаяся в Россию отдельно от царевича по причине родов, была немедленно арестована и на допросах рассказала о возлюбленном столько, что фактически подписала ему смертный приговор. Теперь Петру стало ясно, что его сын не просто попал под влияние своего окружения, но и сам играл активную роль в заговоре. На очной ставке с Федоровой Алексей сначала отпирался, но затем подтвердил ее показания. 13 июня 1718 г. Петр I устранился от следствия, попросив у духовенства дать ему совет, как поступить с сыном-изменником, а Сенату приказав вынести ему справедливый приговор. Верховный суд из 127 человек решил, что «царевич утаил бунтовый умысел свой против отца и государя своего, и намеренный из давних лет подыск, и произыскивание к престолу отеческому и при животе его, чрез разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь и желание отца и государя своего скорой кончины». 25 июня под охраной четырех гвардейских унтер-офицеров царевич был доставлен из Петропавловской крепости в Сенат, где выслушал смертный приговор.

Дальнейшие события покрыты завесой тайны до сих пор. Согласно официальной версии, 26 июня 1718 г. в 18 часов Алексей Петрович внезапно скончался в возрасте 28 лет от «удара» (кровоизлияния в мозг). Но современные исследователи предполагают, что истинной причиной смерти Алексея стали пытки. Также возможно, что он был убит по приказу Петра I. Похоронили царевича в Петропавловском соборе в присутствии отца. Сын Алексея Петровича вступил на престол Российской империи в 1727 г. под именем Петра II и правил три года. В его царствование произошла официальная реабилитация Алексея.

Подобно многим историческим личностям со сложной и необычной судьбой, фигура царевича Алексея Петровича издавна была «лакомым кусочком» для исторических романистов, драматургов, поклонников «теории заговоров», а с недавних пор и кинорежиссеров. Существует множество трактовок жизни Алексея – от безоговорочного осуждения «полного ничтожества и предателя» до столь же безоговорочного сочувствия тонкому и образованному юноше, безжалостно растоптанному собственным отцом. Но как бы ни относились к нему последующие поколения, нет сомнения, что царевич Алексей Петрович был одной из самых загадочных и драматических фигур русской истории.

Дмитрий Бутурлин

(1763–1829)

Граф Дмитрий Петрович Бутурлин родился 14 декабря 1763 г. в Петербурге в семье тайного советника графа Петра Александровича Бутурлина и его жены, графини Марии Романовны, урожденной Воронцовой. Семья была знатной, богатой и приближенной к императорскому двору – крестной матерью Дмитрия была сама Екатерина Великая, которая пожаловала ему при крещении чин сержанта гвардии. Когда мальчику было два года, скончалась его мать, и Дмитрия взял на воспитание дядя – влиятельный вельможа, в будущем канцлер Александр Романович Воронцов. Он определил племянника в престижное учебное заведение – Сухопутный шляхетский корпус, готовивший кадры преимущественно для российской лейб-гвардии. После его окончания Бутурлин был зачислен на должность адъютанта светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического, но почти сразу же перевелся в службу в Коллегию иностранных дел.

Интеллектуальное образование, полученное Дмитрием, было типичным для молодых русских аристократов тех лет. Убежденный «западник», уверенный в том, что все зло на земле – от недостатка просвещения, знавший наизусть многие страницы Монтескье, Руссо и Вольтера, он с энтузиазмом воспринял весть о начале Великой французской революции. Но так же рано Бутурлин осознал, что на русской почве привить любезные его сердцу идеи вряд ли удастся и предпочел не участвовать в официальной жизни. В 22 года граф вышел в отставку (столь ранний отказ от службы был равнозначен публичному протесту), женился на своей троюродной сестре графине Анне Артемьевне Воронцовой и переехал из Петербурга в Москву, где ему принадлежала обширная городская усадьба в Немецкой слободе.

Московский дом Дмитрия Петровича в конце XVIII – начале XIX столетия стал одним из символов культурной жизни второй столицы России. Он собрал одну из лучших в Европе частных библиотек (больше 40 тысяч томов), которой могли пользоваться гости дома. Книжное собрание графа включало преимущественно книги, изданные в ранний период книгопечатания. Кроме того, Бутурлин коллекционировал живопись, с увлечением занимался разведением фруктов в оранжерее и сельским хозяйством в своем имении Белкино, сочинял стихи на французском языке, пел, аккомпанируя себе на гитаре. Его образованность поражала даже бывалых путешественников – слушая вдохновенные рассказы Бутурлина о достопримечательностях европейских городов, они не могли поверить, что граф никогда в жизни не выезжал из России. Многие из знавших Бутурлина лично считали его самым образованным русским человеком вообще.

Д.П. Бутурлин. Художник Ф.С. Рокотов. Конец XVIII в.

После вступления на престол Александра I Дмитрий Петрович по настоянию жены решил вернуться на государственную службу и 31 мая 1803 г. получил должность посланника России в Папской области, столицей которой был Рим. Он как раз собирался отправиться к месту службы, когда дипломатические отношения между странами были разорваны. В 1809-м Бутурлину предложили пост посланника в Вюртемберге, однако он предпочел этому другое назначение – пост директора Императорского Эрмитажа. Впрочем, эта служба была для Бутурлина номинальной – он продолжал жить в Москве. Дослужившись до высокого чина тайного советника, равного генерал-лейтенанту, Дмитрий Петрович не был награжден ни одним (!) российским орденом – такая ситуация была и осталась поистине уникальной.

Отечественная война 1812 г. застала Бутурлиных в имении Белкино. Когда боевые действия приблизились к Москве, семейство перебралось в воронежское поместье Бутурлиновку. В огне московского пожара погибло бесценное сокровище – уникальная библиотека Бутурлина. Но граф перенес гибель своего собрания стоически, отозвавшись на новость фразой: «Бог дал, Бог и взял, да будет на то Его воля».

В середине 1810-х гг. здоровье Бутурлина начало ухудшаться. Его все чаще преследовали тяжелые приступы астмы. Врачи предписали сменить климат, и в качестве нового места жительства Дмитрий Петрович выбрал Италию, вернее, Великое герцогство Тосканское. В августе 1817 г. он перебрался со всей семьей во Флоренцию, став эмигрантом по медицинским показаниям. Поскольку в средствах русский аристократ стеснен не был, он поселился в центре города, в палаццо Гвиччардини-Строцци, а семь лет спустя приобрел для себя и семьи возведенный в середине XVI столетия четырехэтажный дворец Монтаути-Никколини, который с тех пор стал носить название «палаццо Бутурлин» (он принадлежал потомкам графа до 1918 г.). Главным украшением дворца стала новая бутурлинская библиотека – за пять лет он сумел собрать 33 тысячи редчайших книг. После его смерти библиотека была распродана на парижском аукционе, а часть ее до сих пор хранится во флорентийском книжном собрании «Лауренциана».

Первый русский эмигрант в Италии, Дмитрий Петрович стал первопроходцем еще в одной области. Именно в его флорентийском доме в 1818 г. был основан первый в Италии православный храм (Бутурлин до смерти оставался православным, несмотря на то что вся семья перешла в католичество). Служил в нем иеромонах отец Иринарх (Попов), долгое время остававшийся единственным православным священником Италии. «Палаццо Бутурлин» на виа деи Серви стал своеобразным «русским клубом» Италии – домой к Дмитрию Петровичу непременно заглядывали все русские путешественники и дипломаты, бывавшие на Апеннинском полуострове или проезжавшие через него.

7 ноября 1829 г. граф Дмитрий Петрович Бутурлин скончался во Флоренции от отека легких в возрасте 65 лет. Он был похоронен в Ливорно недалеко от греческого храма Успения Божьей Матери. Из девяти его детей четверо так или иначе связали судьбу с Италией: дочери Мария, Елизавета и Елена вышли замуж за итальянских аристократов, а старший сын, граф Петр Дмитриевич, жил в Риме до самой смерти. Очень необычной была судьба у правнука Дмитрия Петровича – графа Петра Дмитриевича (1859–1895). Рожденный во Флоренции, он был уже настоящим итальянцем и не бывал в России до 1874 г., но, приехав на Родину предков, загорелся желанием стать русским литератором и в итоге вошел в историю отечественной поэзии как автор прекрасных сонетов.

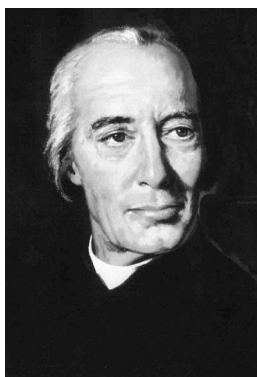
Дмитрий Голицын

(1770–1840)

Князь Дмитрий Дмитриевич Голицын происходил из знаменитого и знатного рода. Его отцом был Дмитрий Алексеевич Голицын, посол России в Нидерландах, а матерью – графиня Адельгейда-Амалия фон Шметтау, дочь прославленного прусского генерал-фельдмаршала и президента Берлинской академии наук Самуэля фон Шметтау. Вторым ребенком в семье, Дмитрий родился 22 декабря 1770 г. в Гааге (Нидерланды) был крещен в православную веру, а детство провел в Мюнстере, где учился в местной гимназии при католическом университете. Высокое положение отца могло обеспечить Дмитрию блестящее положение при русском дворе, тем более что он с рождения был записан в лейб-гвардию, но в 1787 г. под влиянием матери Голицын твердо заявил о своем намерении принять католичество. На этом русская карьера 17-летнего князя завершилась, не успев начаться.

Как было заведено у молодых русских аристократов, Дмитрий отправился в путешествие с образовательной целью. Но поскольку Европу трясло от последствий Великой французской революции, отец предложил сыну более безопасный и в то же время экзотический маршрут – в США. В то время молодая заокеанская страна была для европейцев белым пятном на карте. 28 октября 1794 г. в Балтиморе молодой князь впервые ступил на американскую землю.

Америка произвела на Голицына такое впечатление, что он высказал желание стать священником и остаться в Новом Свете навсегда. Окончив Балтиморскую католическую семинарию Святой Марии, 16 марта 1795 г. русский князь Дмитрий Голицын был рукоположен в сан с именем Августина Смита (он стал вторым священником, получившим сан на территории США). Сначала отец Августин служил в городе Порт-Тобакко, затем в Балтиморе. В 1799 г. им был основан небольшой городок Лоретто в Пенсильвании, названный им в честь итальянского города Лорето. Местность была глухой, прихожанами храма, освященного в честь архангела Михаила, сначала были только десять семейств, живших в округе.

Д.Д. Голицын (Августин Смит)

В 1800 г. из Петербурга Голицыну пришел категорический приказ – вернуться в Россию и поступить на военную службу в полк, в котором Дмитрий Дмитриевич продолжал формально числиться. Князь ответил не менее твердым отказом, после чего был лишен российского подданства. Несмотря на то что связи Голицына с Россией оборвались, он пристально следил за событиями на родине и искренне радовался победе русской армии над Наполео-

ном. «Да здравствует Александр! – писал Голицын в 1814 г. епископу Д.Кэрроллу. – Называть его просто великим значило бы не воздать ему должное».

Дальнейшая судьба священника Августина Смиа (в 1809 г. он вернулся к своему русскому имени) не была богата внешними событиями. Он продолжал исполнять обязанности скромного сельского пастыря, трижды – в 1814, 1815 и 1827 гг. – отклонял предложение стать епископом. На нужды общины им было потрачено около 150 тысяч долларов – огромная сумма по тем временам. Современникам князь-священник запомнился как вдохновенный проповедник: «Когда он, после моления перед престолом, обращался к своей пастве, то имел наружный вид состарившегося, но вовсе не расслабленного летами и болезнью человека, хотя и не особенно крепкого, однако еще сильного и подвижного... Проповеди свои он начинал простым, разговорным, замечательно чистым английским языком и в простейших словах, какие только мог избрать для выражения своих мыслей. По мере того как он продолжал проповедь, увеличивался и интерес слушателей к говорившему и к его теме, хотя при этом нельзя было замечать никакой перемены ни в его голосе, ни в его речи. Замечания его проникали в сердце всех, казалось, что каждый из присутствовавших относил проповедь к самому себе и в ней шла речь о предметах, касавшихся его более, чем других. Раз или два в продолжение проповеди он бывал истинно красноречив. Тогда он слегка выпрямлялся, лицо его воспламенялось, и глаза горели необыкновенным блеском».

6 мая 1840 г. князь Дмитрий Голицын скончался в возрасте 69 лет в городе Лоретто и был похоронен рядом с основанным им когда-то храмом. Недалеко от могилы в 1901 г. был воздвигнут памятник князю-священнику, в его честь назвали город Галлицин, расположенный поблизости от Лоретто. А память о русском по происхождению католическом пастыре жива в Америке и по сей день – в 2005 г. в США начался процесс его беатификации, то есть приобщения к лику блаженных.

Александр Остерман-Толстой

(1772–1857)

19 января 1772 г. (указанный во многих источниках 1770-й – ошибочная дата) в Петербурге в семье дворянина Ивана Матвеевича Толстого родился сын Александр. С раннего возраста, по обычаю тех лет, он был записан на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк и к 14 годам уже имел чин прапорщика. Боевое крещение юного офицера пришлось на 1788 г., когда Остерман впервые отличился в русско-турецкой кампании. Храбрость при штурме Измаила в 1790-м принесла ему первый крест – почетнейший орден Святого Георгия 4-й степени.

27 октября 1796 г. полковник Толстой стал графом Остерманом-Толстым. Дело в том, что Александр доводился внучатым племянником последним представителям графского рода Остерманов, и, чтобы славная фамилия не угасла, ее вместе с титулом и гербом передали Толстому. В феврале 1798 г. 26-летний граф был произведен в генерал-майоры с назначением состоять шефом Шлиссельбургского мушкетерского полка. Но вскоре последовала опала со стороны Павла I, выразившаяся в том, что генерала переименовали в гражданский чин действительного статского советника. Вернуться в армию Остерман-Толстой смог только после воцарения Александра I, в 1801 г. – новый император питал к молодому генералу самые добрые чувства. Впрочем, их граф вызывал практически у всех знавших его людей. Его адъютант И.И. Лажечников так вспоминал об Остермане-Толстом: «Мелочным интриганом никогда не был, кривыми путями не ходил и не любил тех, кто по ним ходит; никогда не выставлял своих заслуг и ничего не домогался для себя, лести терпеть не мог. Для стрел, откуда бы ни шли, смело выставлял грудь свою. О пище и здоровье солдат заботился, как отец. Когда стояли войска в лагере, он почти каждый день обходил их во время трапезы, всегда пробовал солдатскую пищу, и горе начальнику, у которого в полку находил ее скудную или нездоровую!.. Против суровостей русских непогод граф, казалось, закалил себя; нередко в одном мундире, в сильные морозы, делал смотр полкам. Это была железная натура и телом, и душою».

Эпоха Наполеоновских войн раскрыла военный талант Александра Ивановича как нельзя более полно. В январе 1807 г., участвуя в сражении при Прейсиш-Эйлау, командир 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенант граф Остерман-Толстой не дрогнул под напором атаковавшего его части французского корпуса Даву и дал тем самым возможность русской армии отразить натиск. За мужество, проявленное на поле боя при Пултуске, Остерман-Толстой был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, став 137-м по счету кавалером этой награды. Всего же по итогам кампании он получил три высоких русских ордена – Святого Владимира 2-й и 1-й степеней и Святой Анны 1-й степени, Золотую шпагу с надписью «За храбрость» и прусский орден Черного Орла.

24 мая 1807 г. генерал был ранен пулей в ногу. Рана оказалась настолько серьезной, что граф вышел в отставку с правом ношения мундира, но с началом Отечественной войны 1812 г. сразу же вернулся в строй. Легендарной стала фраза Остермана-Толстого, произнесенная тогда и адресованная одному из немецких по происхождению генералов русской армии: «Для вас Россия – мундир, вы его надели и снимете, когда захотите. Для меня Россия – моя кожа».

Граф Остерман-Толстой Александр Иванович с детьми в Пизе. Гравюра К. Лазинио. 1827 г.

В 1812 г. 4-й корпус под командованием Остермана-Толстого отличился в тяжелейших сражениях при Островно (там граф отдал своим солдатам лаконичный приказ «Стоять и умирать») и Бородино. М.И. Кутузов так характеризовал действия своего подчиненного на Бородинском поле: «Примером своим ободрял подчиненные ему войска так, что ни жестокий перекрестный огонь неприятельской артиллерии, ни нападения неприятельской конницы не могли их поколебать, и удержали место свое до окончания сражения». За Бородино граф Александр Иванович был удостоен ордена Святого Александра Невского.

Не менее насыщенным для генерала выдался и 1813 г. 9 мая этого года он принял участие в сражении под Бауценом. Находясь в цепи, он был ранен в плечо, но продолжал руководить боем до тех пор, пока его не вынесли с поля боя полумертвого от потери крови. «Всегда впереди стрелков наших, сохранял он ничем непоколебимую храбрость, которую одушевлял командуемые им войска, водил оные многократно на штыки и всякий раз, стесняя и поражая неприятеля, приобретал совершеннейший успех», – писал генерал М.А. Милорадович о подвигах Остермана под Бауценом. За эту битву графу были пожалованы алмазные знаки ордена Святого Александра Невского.

Звездным часом воинской карьеры генерала и одновременно одним из самых драматических моментов его судьбы стали два дня 1813 г. – 17 и 18 августа. Тогда в битве при Кульме он разгромил войска наполеоновского генерала Вандама, а самого его взял в плен. Сам Остерман-Толстой был тяжело ранен, ядром ему оторвало левую руку по плечо. Ампутацию генералу делали прямо на поле боя, под громкую барабанную дробь и солдатские песни. Так приказал сам граф, не желавший, чтобы подчиненные слышали его стоны. Впоследствии знаменитый скульптор С.И. Гальберг выполнил скульптуру, изображавшую полководца во время ампутации руки. 19 августа 1813 г. за Кульмскую битву он был удостоен ордена Святого Георгия 2-й степени, став одним из 125 кавалеров этой награды за всю полуторавековую историю ордена. Высоко оценили заслуги графа и союзники русских – он был удостоен высшего прусского ордена Большого креста Железного креста, награды, которая за всю историю была вручена только 7 раз.

После завершения Заграничных походов русской армии граф Остерман-Толстой был назначен командиром Гренадерского корпуса и шефом лейб-гвардии Павловского полка. Это была очень высокая милость – обычно шефами гвардейских полков были члены императорской фамилии. В августе 1817 г. граф получил чин генерала от инфантерии. Но тяжелейшие раны сильно подорвали здоровье Александра Ивановича, и он был уволен в бессрочный отпуск, формально продолжая числиться на военной службе. С 1822 г. граф жил преимущественно за границей – в Мюнхене, Париже, Флоренции, Женеве. Именно он положил начало дипломатической карьере своего племянника Федора Тютчева, в будущем знаменитого поэта. Тютчев же оказал дяде ответную услугу, познакомив его с молодой итальянской

вдовой, графиней Марией Лепри, которая стала генералу невенчанной женой и родила ему трех детей – Николая, Катрин и Агриппину, получивших фамилию Остерфельд.

Воцарение в России Николая I (декабрь 1825 г.) фактически разделило жизнь генерала на две части. После того как некоторые участники восстания на Сенатской площади нашли прибежище в петербургском доме Остермана-Толстого, а сам граф начал хлопоты за замешанных в заговоре родственников, новый император, что называется, взял героя 1812 г. «на заметку» и, когда Александр Иванович предложил свои услуги русской армии во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., ответил отказом. Неудивительно, что заслуженный полководец почувствовал себя оскорбленным. Свою последнюю военную кампанию он провел... под псевдонимом – как «полковник Иванов» разрабатывал штабные планы египетских войск Ибрагима-паши во время войны Египта и Турции.

С тех пор знаменитый русский военачальник так никогда и не побывал на Родине. Обиду на императора он перебороть не смог. Когда Николай I пригласил графа принять участие в праздновании годовщины Кульмской битвы (она отмечалась в сентябре 1835 г.), Остерман-Толстой отклонил приглашение. Надо сказать, что ответ императора был поистине рыцарским – Николай I наградил заслуженного героя орденом Святого Андрея Первозванного. Но Остерман-Толстой до самой смерти так и не распечатал пакет, в котором ему прислали орденские знаки...

С 1837 г. Остерман-Толстой постоянно жил в женевском отеле «Берг», расположенном на одноименной набережной. Свою комнату он превратил в своеобразный музей Александра I. Посетивший генерала за два года до его смерти поэт князь П.А. Вяземский так описывал его жилище: «Кабинет его в Женеве был как бы усыпальницею покойного императора. Всевозможные портреты его, во всех видах и объемах, бюсты, статуэтки, медали – все, что только могло напоминать его, было развешано по стенам, расставлено на столах. Он был окружен этими воспоминаниями; он хранил их с нежным благоговением... На столе его постоянно лежало собрание стихотворений Державина. “Вот моя Библия”, – говорил он». Новости с Родины, по словам Вяземского, не занимали старого генерала: «Он о них и не говорил и не расспрашивал, что делается в России. Не слышать было от него ни слова теплого участия, ни слова сожаления, ни слова укора... Он просто в отношении к России заживо замер и похоронил себя». Впрочем, в отношении русской кухни Остерман-Толстой был патриотом до такой степени, что специально заказывал из России гречневую крупу для варки каши.

30 января 1857 г. один из храбрейших русских военачальников скончался в Женеве вскоре после своего 85-го дня рождения. В описи имущества, оставшегося после его смерти, были указаны три табакерки, старые часы, русские книги, одежда, кресло, табурет и многочисленные ордена. Графа похоронили на кладбище Пти-Саконне, а в мае 1857 г. отправили гроб с останками в Россию, для перезахоронения в рязанском имении Остерманов-Толстых. Однако по сей день не удалось найти никаких свидетельств того, что траурный кортеж благополучно прибыл туда. Во всяком случае, могилы А.И. Остермана-Толстого в России не существует...

16 февраля 2006 г. на кладбище Пти-Саконне была открыта мемориальная доска в память о герое Отечественной войны 1812 г. Потомки графа до сих пор живут в Швейцарии, сохраняя память о своем легендарном русском предке.

Орест Кипренский

(1782–1836)

Один из величайших русских художников родился 13 марта 1782 г. на мызе Нежинской Ораниенбаумского уезда Петербургской губернии. Его отцом был отставной бригадир, помещик Алексей Степанович Дьяконов, матерью – крепостная крестьянка Анна Гаврилова. Незаконнорожденному ребенку отец дал красивое имя Орест, в честь одного из героев «Илиады», а мать выдал замуж за своего дворового, немца Адама Швальбе, который усыновил мальчика. Когда ему было шесть лет, Дьяконов оформил на него вольную и отправил учиться в Петербург, в Воспитательное училище при Академии художеств. Одновременно мальчик получил фамилию Кипрейский – в честь богини любви Киприды. В училище ее переделали в Кипренский.

В Академии юный художник прошел хорошую школу у маститого живописца Г.И. Угрюмова. Уже первый портрет кисти Кипренского, изображавший его отчима Адама Швальбе (1804), вызвал широкий резонанс у знатоков искусства – многие из них посчитали портрет копией неизвестной работы Рембрандта. В следующем году большая историческая картина Кипренского «Дмитрий Донской на Куликовом поле» получила Большую Золотую медаль Академии художеств, однако шедевром это полотно, выдержанное в строгой классической традиции, отнюдь не было. Славу Кипренскому принес все-таки «несерьезный» портретный жанр. К слову, сам художник относился к нему без особого энтузиазма, считая портреты лишь средством заработка.

В течение 1807–1816 гг. Кипренским был создан целый ряд классических портретов, открывших собой новую главу в истории русской живописи. Они изображают самых разных людей – это и задумчивый поэт-романтик В.А. Жуковский, и юный А.А. Челищев, и изнеженный денди С.С. Уваров, и лихой гусар Е.В. Давыдов, и сосредоточенная, углубленная в себя Е.П. Ростопчина... Успех был колоссальным, художника называли «русским Ван Дейком» и буквально заваливали заказами. Но сам Кипренский считал, что должен еще многому научиться в живописи, и при первой же возможности в 1816 г. отправился в Италию. Там он провел несколько лет, хорошо зарабатывая портретами и пользуясь заслуженной славой. Знаменитая флорентийская галерея Уффици даже заказала ему автопортрет, который был размещен рядом с изображениями великих европейских мастеров прошлых лет. Кипренский стал первым из четырех русских художников, удостоенных такой чести. Об одной из картин этого периода, «Молодом итальянце» (1817), пресса писала так: «Молодой садовник, склоня голову на зеленый дерн, в котором разбросаны полевые цветики, отдыхает. Миловидное лицо его загорело от работы, черные волосы упадают с чела, тихий ветерок обвеивает их, наслаждение отдыха так прелестно в чертах его, что эта очаровательная картина кажется написанною по вдохновению грации Рафаэля».

О.А. Кипренский. Автопортрет. 1828 г.

Последние годы пребывания в Италии были омрачены скандалом вокруг имени художника – его обвинили в убийстве натурщицы. Летом 1823 г. Кипренский был вынужден вернуться из Италии в Петербург. Но горячего приема, который он ожидал на Родине, уже не было. Наоборот, грязные слухи продолжали преследовать Кипренского – якобы он сожительствовал в Италии с девочкой, которую перед отъездом в Россию сдал в приют. На самом же деле история выглядела совершенно иначе – девочка (ее звали Анна-Мария Фалькуччи, она изображена на картине «Девочка в маковом венке и с гвоздикой в руке») была выкуплена Кипренским у ее распутной матери и помещена в католический монастырь, причем художник оставил средства на ее воспитание.

Мастер болезненно воспринимал эти сплетни. Утраченное влияние на публику он попытался было вернуть большим жанровым полотном «Аполлон, поражающий Пифона», но его провал лишь подтвердил правило – зрители видели в Кипренском портретиста и не воспринимали его в другом качестве. Место в Академии художеств, на которое рассчитывал Кипренский, ему не досталось, это тоже больно ранило. «Академия художеств под спудом. Все там в малом виде», – писал Кипренский в это время.

В 1827 г. художник создал самый знаменитый свой портрет – ему позировал А.С.Пушкин. Об этом романтическом полотне сам поэт сказал так: «Себя как в зеркале я вижу, / Но это зеркало мне льстит». Пушкинский портрет стал последним большим успехом Кипренского на Родине. Разочарованный и опустошенный, художник решил вернуться в Италию, как оказалось – насовсем.

Но и там его ожидали трудности. Итальянская публика, еще незадолго до этого носившая его на руках, успела забыть Кипренского, над умами теперь царствовал Карл Брюллов. Кипренский был вынужден поселиться в бедном римском квартале, трудиться над недорогими заказами, много ездить по стране в поисках работы. Портреты теперь он писал редко и только для людей, которые были ему дороги. Последний известный портрет Кипренского был создан в марте 1835 г., он изображает русского поэта князя П.А.Вяземского, только что похоронившего в Риме дочь.

В июле 1836 г. перешедший в католичество Кипренский женился на римлянке Анне-Марии Фалькуччи – той самой девочке, которая когда-то позировала ему. Но семейное счастье русского римлянина оказалось недолгим. 17 октября 1836 г. Кипренский скончался от воспаления легких в возрасте 54 лет. Надгробную плиту над его могилой в храме Сант-Андреа-делле-Фратте вскладчину поставили русские художники, работавшие в Риме. Свою дочь Клотильду Кипренский увидеть не успел – она родилась уже после его смерти...

Вскоре после смерти мастера другой великий художник, Александр Иванов, написал о Кипренском: «Он первый вынес имя русское в известность в Европе, а русские его всю жизнь считали за сумасшедшего, старались искать в его поступках только одну безнравственность, прибавляя к ней, кому что хотелось». Прошедшие годы все расставили по своим

местам: сейчас имя Ореста Кипренского по праву входит в пантеон величайших творцов России.

Петр Козловский

(1783–1840)

Князь Петр Борисович Козловский, выходец из старинного знатного рода (он был потомком Рюрика в 28-м колене), родился на Смоленщине в декабре 1783 г. в большой семье отставного премьер-майора князя Бориса Петровича Козловского и его жены Анны Николаевны, урожденной княжны Болховской. Он получил основательное домашнее образование, рано начал писать стихи. В 1798 г. его первое стихотворение появилось в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Но литератором Петру Борисовичу не суждено было стать. По мнению крупного поэта начала XIX столетия И.И. Дмитриева, Козловский «подавал большую надежду, но вдруг умолк».

Семья Козловских не была богатой, и князю рано пришлось поступить на службу в Коллегию иностранных дел (так в то время именовался МИД). С 1802-го он состоял при русской миссии в Сардинском королевстве и с этого времени жил преимущественно в Европе. В 1804 г. в Риме Козловский под влиянием французского иезуита аббата Лами тайно перешел в католичество. Впрочем, на его дипломатической карьере это обстоятельство никак не отразилось – 22 сентября 1812 г. Козловский был назначен посланником России в Сардинии. В 1815 г. опытный дипломат принял участие в работе Венского конгресса, в частности, вел успешные переговоры по демаркации границ между Сардинией, Швейцарией и Францией. В 1816 г. Козловский отклонил предложенный ему пост посланника России в США, а два года спустя был назначен посланником в королевство Вюртемберг и Великое герцогство Баденское. Впрочем, его политику на этом посту сочли в Петербурге чересчур либеральной (читай: самостоятельной), и в 1821-м князь Петр Борисович вышел в отставку с годовой пенсией в 3500 рублей.

В течение 13 лет Козловский путешествовал по Европе. Он быстро сводил знакомства с самыми разными людьми. Этому способствовал как колоритный, невольно привлекавший внимание внешний облик русского дипломата – он был чрезвычайно тучен, румян, с приятным живым лицом, постоянно озаренным легкой любезной улыбкой, – так и его обширные познания в разных областях, от математики до поэзии Древнего Рима. Ум, остроумие, дар слова, редкое обаяние – по свидетельству знавших Козловского, его невозможно было не полюбить. От «русского европейца» были в восторге при французском и британском королевских дворах, с ним дружили столпы культурной Европы – Шатобриан, мадам де Сталь, Байрон (который упомянул Козловского в 7-й песне поэмы «Дон Жуан»), Гейне. В Оксфорде Козловский первым из русских был удостоен звания почетного доктора гражданского права. Время от времени он выступал в качестве публициста – напечатал за рубежом статьи «Некоторые статьи о греческом восстании и позиции России по отношению к нему» (1821), «Опыт истории России» (1820–1823), «Социальная диорама Парижа. Сочинение чужестранца, проведшего в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года» (1825).

Князь П.Б. Козловский. Портрет XIX в.

В 1826 г. воцарившийся в России Николай I потребовал от Козловского вернуться на Родину, на что князь Петр Борисович, чувствовавший себя в Европе как рыба в воде, ответил вежливым, но непреклонным отказом. Случай был исключительным: как-никак «невозвращенцем» становился не кто-нибудь, а дипломат в ранге посланника!.. Но международный скандал все же решили не раздувать, уж больно заметной и известной фигурой был Козловский. К тому же его многочисленные знакомства в европейском свете играли на руку внешней политике России – ведь князь создал и успешно поддерживал положительный образ русского за рубежом. Козловскому всего лишь сократили на полторы тысячи рублей пенсию.

Только осенью 1835 г. нужда пригнала князя Петра Борисовича в Россию. Но приезд на Родину вовсе не был покаянным. Князь мгновенно завоевал злоязычный петербургский свет и стал всеобщим кумиром. В светские салоны начали приглашать «на Козловского».

Правда, быт самого «льва сезона» часто изумлял даже его близких друзей. По воспоминаниям поэта князя П.А. Вяземского, «мы тогда с Жуковским часто навещали его и заставляли то в ванной, то на кровати. Несмотря на участие в его недугах, нельзя было без смеха видеть барахтавшуюся в воде эту огромную человеческую глыбу. Здесь можно кстати употребить это прилагательное – “огромное”, которое так часто и неуместно ныне у нас употребляется. Пред нами копошился морской тюлень допотопного размера. До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Тут уж не было ни малейшего следа, ни тени англomanии. Он лежал в затасканном и засаленном халате; из-за распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь.

Стол обставлен и завален был головными щетками, окурками сигар, обедками кушанья, газетами. Стояли склянки с разными лекарствами, графины и недопитые стаканы разного питья. В неліцемерной простоте виднелись здесь и там посуда, вовсе не столовая, и мебель, вовсе не салонная. В таком беспорядке принимал он и дам, и еще каких дам, Господи прости! Самых изящных и самых высокорожденных».

К 1836 г. относится знакомство Козловского с Пушкиным. Они быстро сдружились, и в пушкинском журнале «Современнике» вскоре появились статьи Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника на 1830 год» и «О надежде». По просьбе Козловского Пушкин начал переводить с латинского подлинника Ювенала и почтил князя стихами, которые начинались так: «Ценитель умственных творений исполинских, / Друг бардов английских, любовник муз латинских...» «Козловский стал бы моим Провидением, если бы решительно захотел сделаться раз навсегда писателем», – писал Пушкин Чаадаеву.

Примирение Козловского с Николаем I прошло успешно, и просьба князя о повторном вступлении на службу в российский МИД была удовлетворена. Правда, ответственный пост ему больше не доверили, а направили в Варшаву, состоять при особе наместника в Царстве Польском. Но служить Козловскому оставалось недолго. 26 октября 1840 г. обаятельный «русский европеец» скоропостижно скончался в Баден-Бадене на 56-м году жизни.

После смерти Козловского П.А. Вяземский писал: «Ни в сфере государственной деятельности, ни в литературе, ни на каком другом гласном общественном поприще он не занимал высшего места, места, ему особенно присвоенного. Никакие обязанности, никакая ответственность, собственно, на нем не лежали... Но в одном отношении был он полным представителем одного ясного и высокого понятия: он был вполне человеком необыкновенно умным, необыкновенно просвещенным, необыкновенно добрым. Сего довольно, чтобы иметь верное, неотъемлемое место в частной современной, если не во всеобщей истории человечества и верное и неотъемлемое право на любовь и уважение ближних, на слезы и скорбь благодарной памяти».

Вяземский оказался прав – память о Козловском сохранили многие знавшие его люди. Уже в 1845 г. в Лейпциге вышла первая биография князя Петра Борисовича. В дальнейшем о нем увидели свет еще две книги – «Русский европеец» Г.П. Струве (Сан-Франциско, 1950) и «Петр Борисович Козловский» В.Я. Френкеля (Ленинград, 1978).

Зинаида Волконская

(1789–1862)

Княжна Зинаида Александровна Белосельская-Белозерская родилась 3 мая 1789 г. в Дрездене в семье посланника России в Саксонии, князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского и его жены Варвары Яковлевны, урожденной Татищевой. Рано лишившуюся матери девочку воспитывал отец – человек широко образованный и просвещенный, большой любитель искусств. Именно от него Зинаида переняла безупречный художественный вкус и способности, позволившие ей в будущем стать настоящей «русской европейкой».

В 1810 г. княжна Зинаида вышла замуж за князя Никиту Григорьевича Волконского. Жизнь семьи заключалась в многочисленных придворных обязанностях и мероприятиях. Но от других придворных дам Зинаиду Волконскую отличали многочисленные таланты, видимые, что называется, невооруженным глазом: она прекрасно знала литературу – русскую и европейскую, писала стихи и прозу, сочиняла оперы, в которых сама исполняла главные партии, могла поддержать разговор на любую тему, от политики до философии. Молодая княгиня стала звездой Венского конгресса 1815 г., одной из любимых собеседниц и корреспонденток императора Александра I.

В том же году Волконская впервые поселилась в Риме. Ее палаццо Поли стал одним из центров светской жизни Вечного города. По-видимому, именно тогда Волконская под влиянием иезуитов тайно перешла в католичество – тайно, поскольку для придворной русской дамы «измена вере» была совершенно недопустима. В 1817-м она возвращается в Россию, где с головой погружается в изучение русской истории и культуры. Впрочем, в чопорном и холодном петербургском свете такое рвение вызвало лишь насмешки, и в 1824 г. у княгиня Зинаида переезжает в Москву, где селится в доме своей мачехи на Тверской (он сохранился в перестроенном виде, сейчас там гастроном «Елисеевский»).

Как выяснилось, такой шаг был совершенно правильным. В Москве Волконскую ждал очень теплый прием, и в краткий срок ее салон стал одним из самых модных мест Первопрестольной – у нее регулярно собирались известные писатели, музыканты, журналисты, ученые. Князь П.А. Вяземский называл дом Волконской «волшебным замком музыкальной феи», Пушкин обессмертил его хозяйку как «царицу муз и красоты». Появился у Волконской и постоянный преданный поклонник – юный поэт Дмитрий Веневитинов, посвятивший княгине множество стихотворений.

Впрочем, «эпоха Волконской» в Москве закончилась уже в 1826 г. Она устроила прощанье в Сибирь жен декабристов, после чего за ней был установлен тайный надзор полиции. А после того как император Николай I узнал о переходе Волконской в католичество, он впал в настоящее бешенство. Волконская почла за благо перевести все свои капиталы на имя сына и в 1829 г. навсегда переселилась в Рим – город, который играл в ее жизни не менее важную роль, чем Москва. На окраине Вечного города княгиня Зинаида приобрела участок земли, где архитектор Джованни Аззури выстроил по ее заказу прекрасную виллу (ныне – резиденция посла Великобритании в Италии). Здесь Волконская жила летом, на зиму переезжая в палаццо Поли в центре Рима.

Княгиня З.А. Волконская. Гравюра Э. Росси. 1830-е гг.

Римская вилла Волконской стала таким же средоточием международной культурной жизни, как и ее дом в Москве. В гостях у нее бывали все знаменитые писатели и художники, приезжавшие в Рим, – и русские, и иностранные. У себя в саду княгиня устроила нечто вроде мемориального парка, где были воздвигнуты небольшие памятники дорогим ей людям – бюст Александра I, стела в честь Карамзина, урна памяти Дмитрия Веневитинова... К сожалению, далеко не все они сохранились до наших дней.

Начиная с 1840-х гг. некогда блестящая «царица муз и красоты» вела весьма уединенный образ жизни, занимаясь преимущественно благотворительностью. Постоянно общалась она только со старшей сестрой Марией. 24 января 1862 г. княгиня скончалась в Риме на 73-м году жизни. Причиной ее смерти, согласно легенде, стала простуда, которую она подхватила, отдав на улице пальто замерзающей нищенке. Могила Волконской находится в соборе Сан-Виченцо и Анастасио. Римляне хранят память о русской княгине и по сей день, в ее честь названа одна из улиц итальянской столицы.

Николай Тургенев

(1789–1871)

Николай Иванович Тургенев родился 12 октября 1789 г. в Симбирске, в семье известного русского просветителя Ивана Петровича Тургенева и его жены Екатерины Семеновны, урожденной Качаловой. Юноша получил прекрасное образование – окончил Московский университетский благородный пансион, Московский университет, а затем, по примеру старшего брата Александра, отправился в Гёттингенский университет, где изучал политэкономия, юриспруденцию и философию. В 1813 г. 24-летний Николай был назначен секретарем знаменитого прусского политика Генриха Штейна, который в то время руководил освобожденными при помощи русских войск территориями Германии. Именно Штейн, по настоянию которого в 1807 г. были освобождены крепостные крестьяне Пруссии, оказал на Тургенева наибольшее влияние. Глубоко изучив германский опыт, молодой политик и экономист начал задумываться о его перенесении на русскую почву.

В ноябре 1818 г. Тургенев издал свою самую известную книгу – «Опыт теории налогов». Это серьезное исследование, предлагавшее провести в России ряд реформ, имело огромный успех у читающей публики и в мае 1819 г. вышло вторым изданием. Некоторые из положений, изложенных в своем труде, Тургенев реализовал на практике: так, в своем симбирском поместье он заменил для крепостных крестьян барщину оброком.

После «Опыта теории налогов» на Тургенева обратил внимание сам Александр I, и в 1819 г. молодому экономисту поручили составить аналитическую записку о крепостном праве. Основные ее положения император одобрил, но никакого практического воплощения проект Тургенева не нашел. Разочарованный в легальной политической деятельности, Николай Иванович решил примкнуть к тайному Союзу благоденствия, ставившему своей целью ограничение самодержавия в России. Тургенев предлагал декларировать в стране свободу печати, свободу богослужения, равенство всех граждан перед законом, ликвидировать крепостное право и рекрутскую повинность, сократить срок службы в армии, ввести суды присяжных.

Н.И. Тургенев. Художник Е.И. Эстеррейх. 1823 г.

Внешне Тургенев продолжал оставаться вполне благополучным чиновником – в чине действительного статского советника он служил в Комиссии составления законов и в канцелярии Государственного совета. Нет никакого сомнения, что он принял бы участие в восстании декабристов 14 декабря 1825 г., но всю дальнейшую судьбу Тургенева неожиданно

изменила... болезнь. Врачи предписали ему лечение на водах, и Николай Иванович отправился в Европу. Находясь в Великобритании, он узнал о мятеже в Петербурге. Тургенев тут же направил в Россию объяснительное письмо, где рассказывал о своем участии в давно прекратившем существование Союзе благоденствия и заявлял, что никакого отношения к восстанию не имеет. Следствие, впрочем, решило иначе, и секретарь русского посольства в Лондоне потребовал у Тургенева немедленно вернуться в Россию. Но Тургенев заявил, что считает свое объяснительное письмо исчерпывающим, к тому же плохо себя чувствует для дальнего путешествия. Попытки требовать выдачи Тургенева у британских властей успехов не увенчались, и российскому МИДу осталось только отдать приказ русским посланникам во всех европейских странах немедленно арестовать Тургенева в случае, если он покинет Лондон. Верховный уголовный суд счел, что «действительный статский советник Тургенев, по показаниям 24 соучастников, был деятельным членом тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного привлечением других, равно участвовал в умысле ввести республиканское правление и, удалясь за границу, он, по призыву правительства, к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на него показания». Заочно суд приговорил Тургенева к смертной казни, которая была заменена Николаем I на вечную каторгу, лишение дворянства и всех прав состояния.

Надо сказать, что Тургенев довольно легко перенес этот приговор. К тому же за него нашлось множество ходатаев. Старший брат Тургенева Александр продал за 412 тысяч рублей родовое симбирское поместье, обеспечив Николаю безбедную жизнь в эмиграции, а поэт В.А. Жуковский, служивший воспитателем сына Николая I, добился того, что уже в начале 1830-х санкции русских посольств против Тургенева были отменены и он смог беспрепятственно бывать в континентальной Европе. Долгие годы Тургенев работал над большой книгой «Россия и русские», которую опубликовал в трех томах в 1847 г. Из нее следовало, что автор так и не отказался от своих реформаторских прожектов конца 1810-х. Впрочем, никакого воздействия на общественную мысль сочинение Тургенева не оказало – ни европейцев, ни официальные российские власти его соображения не интересовали.

Император Александр II, вступивший на престол в 1855 г., амнистировал всех участников декабрьского восстания. Попал под эту амнистию и Тургенев – ему были возвращены чин и права дворянства. После этого Николай Иванович трижды побывал в России – в 1857, 1859 и 1864 гг. В это время реформаторский пыл вспыхнул в нем с новой силой, Тургенев буквально фонтанировал идеями по улучшению жизни соотечественников, выпустил книги «Взгляд на дела России» и «Чего желать для России». Но несмотря на то, что теперь на Родине ему ничто не угрожало, он не спешил перебираться назад.

В целом Николаю Тургеневу оказалась суждена странная жизнь – его огромный опыт экономиста так и не получил никакого практического воплощения, стать действующим политиком ему тоже не удалось. «Вечный теоретик», он так и умер в изгнании 29 октября 1871 г., в возрасте 82 лет, на вилле Вербуа в окрестностях Парижа.

Анна Павловна

(1795–1865)

Великая княжна Анна Павловна родилась 7 января 1795 г. в Петербурге, в семье наследника российского трона, великого князя Павла Петровича и его жены, великой княгини Марии Федоровны. Анна росла под присмотром статс-дамы Шарлотты Ливен, получила прекрасное домашнее образование – кроме русского, французского и немецкого языков, ей преподавали живопись, музыку, основы математики и физики. Посол Франции в России Коленкур так описывал 16-летнюю великую княжну Анну: «Она высока ростом для своих лет, у нее прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность, и хотя она не красавица, но взор ее полон доброты. Нрав ее тих и, говорят, очень скромн. Доброте ее отдают предпочтение перед умом. В этом отношении она совершенно отличается от своей сестры Екатерины, слывшей несколько высокомерной и решительной... Она уже умеет держать себя, как подобает взрослой принцессе, и обладает тактом и уверенностью, столь необходимыми при большом дворе».

Такое пристальное внимание к русской принцессе именно французского посла объяснялось просто – одно время к Анне Павловне сватался сам Наполеон Бонапарт. Отказал ему лично старший брат Анны, воцарившийся в 1801 г. Александр I. Впрочем, в письме он дипломатично сослался на мнение своей матери: «Я не могу, Ваше Величество, возражать Матери, которая все еще неутешно оплакивает безвременную кончину двух Своих дочерей, умерших от слишком ранних браков. Я знаю, что Ваше Величество торопится, и это понятно: заявив Европе, что Вы желаете иметь детей, Вы не можете ждать более двух лет, хотя единственным препятствием к браку, усматриваемым Императрицей – матерью, является лишь возраст Великой княгини Анны».

Тем не менее жених Анне Павловне был уготован все-таки заграничный. Им стал принц Виллем-Фредерик-Георг-Лодевейк фон Оранс-Нассау, наследник правящего дома Королевства Нидерланды. Свадьба сладилась благодаря Александру I, который сам предложил младшую сестру в жены Виллему. В свои 23 года принц успел отличиться во время Наполеоновский войн, сражаясь в рядах английской армии, а с июня 1814-го командуя голландской армией; за храбрость он был удостоен и русских орденов, в том числе высших наград России – ордена Святого Андрея Первозванного и ордена Святого Георгия 2-й степени. 9 февраля 1816 г. в храме Зимнего дворца Анна Павловна и принц Виллем обвенчались. Свадебные торжества растянулись на целых полгода. 6 июня царственной паре вручил свои поздравительные стихи юный лицеист Александр Пушкин...

Принц Вильгельм Оранский с женой Анной Павловной. Гравюра П. Велина. Первая пол. XIX в.

В сентябре 1816 г. новоиспеченная нидерландская принцесса прибыла к новому месту жительства. Нидерланды Анне понравились. Летом чета жила под Утрехтом, зимой переезжала в Брюссель, тогда вторую столицу страны. Анна прилежно учила голландский язык, изучала историю и культуру своей новой родины. Новая семья приняла ее тепло. Свекор, король Нидерландов Виллем I, подарил невестке домик в Заандаме, где во время своего европейского путешествия останавливался Петр I. Этот подарок был сделан 2 августа 1818 г. в честь рождения второго ребенка четы. Анна велела построить над домиком каменный навес и тщательно следила за тем, чтобы реликвия находилась в хорошем состоянии.

Всего в семье принца Виллема и принцессы Анны родилось пятеро детей: принцы Виллем-Александр-Пауль (1817–1890, в будущем король Нидерландов Виллем III), Виллем-Александр (1818–1848), Виллем-Николай (1820–1879, в будущем Великий герцог Люксембургский), Виллем-Казимир (1822, умер в четырехмесячном возрасте) и принцесса Виллемина-Мария (1824–1897).

Впрочем, достаточно скоро выяснилась большая разница в характере супругов. Принц Виллем был простым и демократичным человеком, что удивительным образом сочеталось в нем с любовью к неограниченным денежным тратам. Анна же умела считать деньги и часто выговаривала мужу за его необдуманные расходы. Но она с детства привыкла к роскоши, блеску и чопорности петербургского двора и долго не могла свыкнуться с тем, что на новой родине дворцовые порядки гораздо проще. Характерным был такой случай. Однажды на параде разразился страшный ливень, все укрылись под навесами или зонтами, и только Анна осталась стоять под дождем – допустить, чтобы зонт над ней держал простой лакей, она не могла, а все придворные попрытались...

Бурным для семьи выдался 1830 г. – год раскола Нидерландов надвое. В результате усилий тайной дипломатии, «подкрепленных» народным восстанием, в Европе появилась новая страна – Бельгия. Муж Анны за неудачное руководство голландской армией, подавлявшей мятеж, был отстранен его отцом-королем от должности. Но все же кризис удалось миновать, Нидерланды с трудом, но избежали кровавой гражданской войны, которая грозила перерасти в европейскую. Официально страна признала отделение от нее Бельгии лишь в 1839 г.

С временем Анна все больше вживалась в местный быт и нравы. Но в чем-то она по-прежнему оставалась русской: стол принцессы был отделан уральским малахитом, за обедом она использовала только русский фарфор с видами Петергофа, а свое загородное имение Сустейк сделала точной копией Павловска. Постоянными корреспондентами принцессы были ее младший брат – император России Николай I и русский поэт В.А. Жуковский, а любимым собеседником – русский духовник, священник Александровский.

8 октября 1840 г. после отречения отца муж Анны Павловны принц Виллем стал королем Нидерландов и Великим герцогом Люксембургским под именем Виллем II, а сама Анна – королевой и великой герцогиней. Она с трудом уговорила мужа сделать себе «достойную» коронационную корону и продала для этой цели свои драгоценности. Будучи правящей королевой, Анна пыталась оказывать влияние на политику страны. В частности, именно благодаря ей в 1847 г. было усовершенствовано налоговое законодательство Нидерландов и внесены изменения в конституцию 1814 г. Королева также много занималась благотворительностью: основала на свои деньги госпиталь, инвалидный дом, свыше пятидесяти приютов.

Правящей королевой Анне было суждено оставаться недолго. 5 марта 1849 г. Виллем II скончался в результате несчастного случая в возрасте 57 лет. На трон возшел сын Анны, 32-летний Виллем III, с которым у нее были прохладные отношения.

Финансовые дела королевской семьи к этому времени были почти полностью расстроены «благодаря» привычке Виллема II жить на широкую ногу. Чтобы спасти репутацию фамилии, Анна решила обратиться с письмом к брату – Николаю I. «Тебе известно о наследстве Виллема, – писала ему Анна 1 октября 1849 г. из Гааги. – В задачу комиссии, созданной для изучения и рассмотрения этого вопроса, входило собрать необходимые данные и оценить имущество и наличные активы, равно как и сосчитать долги. Последние, как оказалось, составляют 4,5 миллиона гульденов. Для их уплаты нам нужно будет продать всю свою землю и недвижимость в этой стране. Поэтому я обращаюсь к тебе, любимый брат и друг, с просьбой, чтобы ты в этот роковой час согласился купить собранные Виллемом картины, к которым ты так привязан... Если ты исполнишь эту просьбу, мои дети будут спасены. Ты спасешь также честь семьи!» Николай I ответил на просьбу сестры согласием и приобрел за 137 823 гульдена большую коллекцию голландской живописи, которая и по сей день является гордостью Эрмитажа.

В июле 1853 г. вдовствующая королева Анна впервые после 28-летнего перерыва побывала на Родине. Придворных она поразила своим архаичным и вычурным русским языком, а также чрезмерной приверженностью этикету. «Наши молодые великие князья и княгини покатываются от смеха и гримасничают за спиной у своей тетушки, – отмечала в своем дневнике фрейлина А.Ф. Тютчева. – Они лучше бы сделали, ежели бы последовали ее примеру!» Кроме Петербурга и Москвы, королева 20 июля 1853 г. побывала также в Троице-Сергиевой лавре, где посетила все храмы. Сопровождавший ее архиепископ Ярославский Леонид так вспоминал об этом визите: «Королева была очень любезна, старалась говорить с каждым. Она сказала, что всегда и на чужой стороне помнила и любила Россию; что, если она не приезжала сюда в течение двадцати восьми лет, то виною тому были ее несчастья: “Вы знаете мои обстоятельства: наша страна была разорвана надвое, и я не могла оставить в несчастии тех, с кем жила прежде в счастии; это было бы недостойно русской великой княжны. Потом я лишилась сына, мужа; при новом короле, моем старшем сыне, я и хотела бы уехать в Россию, но надо было руководить детьми, помогать им, долг матери меня удерживал. Когда я женила второго сына, то почувствовала себя как бы развязанной и поспешила в Россию, где мне был оказан братом самый любезный, самый родственный прием. Я познакомилась со всем большим семейством. Если бы не этот случай, я бы осталась незнакомой всему молодому поколению Романовых”». Следующий визит в Россию Анна нанесла уже своему племяннику Александру II, в 1857 г. Ответный визит императора в Нидерланды состоялся в 1864-м.

Через год, 2 марта 1865 г., вдовствующая королева Анна скончалась в Гааге на 71-м году жизни. Она была погребена в Амстердаме в храме Святой Екатерины. Ежегодно 2 марта в Нидерландах проходят мероприятия, посвященные памяти русской королевы, оставившей в истории страны самую добрую память. В них неизменно участвует нынешняя королева Нидерландов Беатрикс – праправнучка Анны Павловны. Во время торжественных выездов королева появляется на улицах Гааги в золоченой карете, которую в 1816 г. Александр I подарил Анне в день ее свадьбы. В честь русской королевы в Нидерландах назван город Анна Павловна.

Владимир Печерин

(1807–1885)

15 июня 1807 г. в селе Дымерка Киевской губернии в семье подпоручика Сергея Печерина родился сын Владимир. Его воспитанием занимался немец Вильгельм Кессман, «пламенный бонапартист и отчаянный революционер», полностью подчинивший мальчика своей воле. Мечтательный и романтичный, Владимир Печерин уже в ранней юности благодаря наставнику (а отчасти и обстоятельствам провинциальной жизни) был твердо убежден, что Россия – это «оплот деспотизма», а «настоящая жизнь» кипит где-то там, в Европе. «Тоска по загранице охватила мою душу с самого детства, – признавался он. – “На Запад! На Запад!” – кричал мне таинственный голос». После учебы в Киевской гимназии Печерин и профессию выбрал такую, чтобы как можно меньше соприкасаться с отвратительной для него русской реальностью, – классическую филологию: «Вот, думал я, единственное спасение от деспотизма: запереться в какой-нибудь келье и разбирать старые рукописи».

Внешне научная карьера Печерина развивалась вполне успешно: способностями молодой человек обделен не был. С блеском окончив в 1831 г. Петербургский университет, он отправился на двухлетнюю стажировку в Берлин, а по возвращении в июне 1835 г. был назначен экстраординарным профессором греческого языка и древностей Московского университета. И коллег-преподавателей, и студентов восхищали вдохновенные лекции Печерина, его эрудиция (ученый в совершенстве знал 18 языков). Но изнутри 27-летнего профессора буквально сжигало страстное желание навсегда оставить Россию – из Берлина он вернулся уже окончательным «западником». Печерин мечтал о великом поприще, мнил себя гениальным писателем, которому не дадут состояться на родине, а ночами сочинял стихи, которых не знала русская поэзия ни до, ни после него: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтожения! / И в разрушении отчизны видеть / Всемирную десницу возрождения!»

Нужные для бегства из страны деньги Печерин заработал частными уроками. В мае 1836 г. его заветная мечта наконец осуществилась – получив очередной отпуск и не считая нужным даже проститься с родителями, он оставил постылую родину навсегда. В Европу молодой ученый ехал с крайне сумбурными планами – ему хотелось как-то встряхнуть застоявшееся человечество, обновить его, привести к свободной и счастливой жизни. Как именно, Печерин и сам не знал. Единственное, в чем он был до конца уверен – это в своем нежелании иметь что-либо общее с родиной. Он твердо отказывался от финансовой помощи, которую ему предлагали в русских посольствах – и это когда у него в кармане было, по собственному признанию, полфранка.

В.С. Печерин. Середина XIX в.

После вялой попытки основать в США образцовую русскую колонию и четырех лет скитаний по Европе в качестве домашнего учителя Печерин наконец осел в Бельгии, где принял католичество. О том, что привело его к этому шагу, эмигрант вспоминал затем так: «Странные у людей понятия о так называемом обращении в католическую веру. Восприимчивость пылкой юности – проповедь – католический священник – все это вздор! Оно вовсе не так было. Никакой католический священник не сказал мне ни слова и не имел на меня ни малейшего влияния! Мое обращение началось очень рано: от первых лучей разума, на родной почве, на Руси, в глуши, в русской армии. Зрелище несправедливости и ужасной бессовестности во всех отраслях русского быта – вот первая проповедь, которая сильно на меня подействовала... Католическая вера явилась гораздо позже. Она была лишь необходимое заключение долгого логического процесса, или, лучше сказать, она была для меня последним убежищем».

15 июля 1840 г. в бельгийском городе Сен-Тронд новоиспеченный католик вступил в монашеский орден редемптористов. Орден был основан в 1732 г., занимался в основном проповеднической деятельностью и благотворительностью. Родителям Печерин послал такое письмо: «Дражайшие родители! Судьбы Всевышнего неисповедимы. Через тысячи заблуждений и тысячи бедствий десница Его привела меня к познанию единой, истинной католической веры, которую я ныне исповедую и буду исповедовать до конца моей жизни. Горная благодать осенила меня и внушила мне твердое намерение отречься навсегда от мира и в иноческой келье загладить слезами покаяния все мои заблуждения»

Дальнейшая жизнь Печерина была подчинена строгой монашеской дисциплине. Сменявшие друг друга дни были похожи один на другой: в половине пятого утра – подъем и до вечера молитвы, работа в храме и изучение богословских текстов. В 1848 г. Печерина достигло известие о том, что он лишен российского гражданства. Наверняка эта весть только порадовала его...

После нескольких лет жизни в бельгийских, голландских и французских монастырях Печерин получил перевод в Великобританию, точнее, в ее глухую провинцию – Ирландию. Там священник вскоре приобрел славу одного из самых популярных проповедников. «Небольшого роста, очень пожилой священник в граненой шапке. Лицо его было старо, старше лет, видно было, что под этими морщинами много прошло, умерло, оставив только свои надгробные следы в чертах» – так описывал А.И. Герцен 46-летнего Печерина в апреле 1853 г.

Общего языка два русских эмигранта не нашли (Герцен предлагал Печерину опубликовать его юношескую поэму, от чего тот отказался), но начали переписку. В своих посланиях Герцену Печерин жаловался на то, что в современном мире некуда «бежать от тиранства современной материальной цивилизации, где найти убежище от тиранства материи, которая больше и больше овладевает всем?». В его представлении таким воплощением «материальной цивилизации» была Россия – мрачный «Некрополис», «Город мертвых», у которого нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

В 1861 г. Печерин принял решение выйти из ордена редемптористов. Получив на это разрешение от папы римского, священник 8 декабря 1861 г. вступил в орден траппистов, однако его суровые законы (трапписты встают в два часа ночи, все время проводят в молитве и физическом труде, дают обет молчания) отразились на слабом здоровье Печерина не лучшим образом. Через месяц он покинул общину и получил назначение капелланом в одну из дублинских больниц. На этой должности Печерин провел 23 года.

В Дублине священник поселился в маленьком доме на Доминик-стрит. Ежедневно рано утром он шел в больницу, где служил мессу, беседовал с больными, причащал отходящих в мир иной. В свободное время изучал языки – арабский, санскрит и персидский, штудировал богословские труды, гулял по саду в сопровождении большой черной собаки. Знавшие Печерина в эти годы запомнили смиренного, кроткого, никому не отказывавшего в помощи пастыря, в котором уже ничто не напоминало экзальтированного юнца, сжигаемого честолюбивыми мечтами. Только на страницах воспоминаний, написанных чудесным, энергичным русским языком и адресованных неведомому «юноше XX века», оживал терзаемый грандиозными замыслами молодой Печерин...

Подводя итоги жизни, Печерин писал: «Я разыгрывал всевозможные роли – был республиканцем школы Ламеннэ, сен-симонистом, коммунистом, миссионером-проповедником, теперь, вероятно, я вступил в последнюю роль: она лучше из всех и наиболее близка к идеалу: я разделяю труды сестер милосердия и вместе с ними служу страждущему человечеству в больнице». В старости Печерин часто вспоминал Россию, завещал свой архив Московскому университету. «Как бы мне хотелось оставить по себе хоть какую-нибудь память на земле русской! – хоть одну печатную страницу, заявляющую о существовании некоего Владимира Сергеевича Печерина, – восклицал он. – Эта печатная страница была бы надгробным камнем, гласящим: здесь лежит ум и сердце В.С. Печерина».

Надгробный камень над могилой Владимира Сергеевича Печерина находится вдали от его родины – в ирландском Дублине. Он умер 17 апреля 1885 г. на 79-м году жизни. Провожать в последний путь капеллана местной больницы вышел весь город. Никто из оплакивавших доброго и честного священника прихожан не догадывался о том, что в ирландской земле только что обрел последний покой человек, которого чудовищная гордыня и честолюбие некогда лишили Родины.

Петр Чихачев

(1808–1890)

Петр Александрович Чихачев родился в Гатчине 28 августа 1808 г. в семье «первого лица» города – «директора» Гатчины и дворцового управления, отставного полковника Александра Петровича Чихачева и его жены Анны Федоровны, урожденной Бестужевой-Рюминой. С 1820 г., когда отец вышел в отставку, семья Чихачевых переехала в Царское Село. Первым наставником Петра стал директор Царскосельского лицея Е.А.Энгельгардт. Будучи натуралистом-любителем, он привил своему воспитаннику интерес к географии и геологии, и уже в 12-летнем возрасте Петр собрал свои первые коллекции минералов и окаменелостей.

В июле 1823 г. Чихачев поступил в ведомство Коллегии иностранных дел (так тогда назывался МИД) в качестве студента и после пяти лет учебы получил чин коллежского регистратора. Преподаватели отметили его феноменальные способности в области языков – за годы занятий Чихачев в совершенстве овладел французским, немецким, английским, итальянским и греческим. Одновременно он слушал лекции в Петербургском университете. С апреля 1830 г. Чихачев служил в коллегии переводчиком, в мае получил назначение в Азиатский департамент, а в 1834 г. отправился в Турцию в качестве помощника секретаря русского посольства. Там он прослужил два года, совершенствуя свои знания греческого, изучая турецкий и испанский, много путешествуя по Ближнему и Среднему Востоку.

В 1838-м Чихачев впервые задумал совершить большое путешествие в глубь России. Составив вместе с младшим братом Платоном план такой экспедиции, он обратился в Петербургскую академию наук за поддержкой. В рецензии на этот план, подписанной пятью академиками, говорилось: «Научная экспедиция, задуманная господином П.А. Чихачевым, заслуживает внимания Академии и Родины, ибо он первый всесторонне образованный чисто русский человек, который не во исполнение правительственного поручения, а по собственному почину и личному побуждению, желая отдать свои силы и знания на благо науки и родины, стремится рискнуть и осуществить данную экспедицию, опасности которой всем известны». Но, вопреки ожиданиям, финансовой помощи от академии и российского МИДа Чихачев не получил. Решив заручиться поддержкой европейских ученых, Петр Александрович в 1839 г. отправился в Италию. На протяжении года с лишним он странствовал по южным Апеннинам, изучая геологические особенности полуострова и не забывая пополнять свой гербарий.

Результаты этой поездки оказались очень впечатляющими. В 1841-м Чихачев опубликовал первые научные труды – описание окрестностей Ниццы и горы Монте-Гаргано, а в 1842 г. подвел итоги своих итальянских изысканий отдельной книгой. В том же году молодой ученый-любитель наконец получил в штабе Корпуса горных инженеров разрешение отправиться в давно запланированное им странствие по Восточному Алтаю. В поездке участвовали также виднейшие европейские геологи – Эли де Бомон и Огюст Вернейль, что придало путешествию международный размах. Экспедицию сопровождал опытный художник Е.Е. Мейер. Странствие было нелегким – приходилось идти по склонам гор, под дождем, переходящим в снег, переправляться через горные реки... Некоторые регионы (например, Тува) были описаны Чихачевым впервые.

П.А. Чихачев. Художник К.П. Брюллов. 1835 г.

Впечатления от этой поездки отразились в большой книге «Путешествие в Восточный Алтай» (1845), изданной на французском языке в Париже и великолепно проиллюстрированной Мейером. Но главнейшим достижением Чихачева стало открытие Кузнецкого каменноугольного бассейна, первую карту которого он составил. «Залежи каменного угля, – писал он, – обнаруживаются уже на глубине нескольких метров, начиная с окрестностей Кузнецка и до местности, примыкающей к реке Инии, то есть на пространстве, охватывающем часть оси района, который я попробовал заключить под общим названием Кузнецкого угольного бассейна... Северный Алтай является одним из самых крупнейших в мире резервуаров каменного угля, занимая в среднем пространство в 250 км в длину, на 100 км в ширину... Эта ассоциация железной руды и каменного угля с практической точки зрения имеет чрезвычайно важное значение». В честь «отца Кузбасса» имя Чихачева было присвоено горному хребту на Алтае.

Шумный успех в европейских научных кругах «Путешествия в Восточный Алтай» имел тем не менее неприятный привкус. В России обратили внимание на факт встреч Чихачева с ссыльными декабристами Иваном Анненковым и Василием Давыдовым, а также нечувствительное описание быта золотодобывающих рабочих на Алтае. Никакие прямые репрессии Чихачеву, конечно, не угрожали, но ученый почел за благо продолжать свою научную работу, находясь в Европе. После того как он опубликовал в 1856-м публицистический очерк «Прочен ли Парижский мир?», осуждавший политику Николая I, связи Чихачева с Россией практически прервались.

Следующие 20 лет своей жизни он посвятил изучению Малой Азии и в 1848–1863 гг. предпринял восемь больших экспедиций в этот регион. Чихачев дал описание множеству озер, заливов, рек, горных хребтов и массивов, впервые поднялся на вершины гор Эрджияс и Бингель, произвел промеры Босфора, Дарданелл, Мраморного и Эгейского морей, открыл 57 новых видов ископаемых. В собранном им гербарии оказалось 3500 видов растений.

Итогом этой деятельности Чихачева стал 8-томный труд «Малая Азия» – гигантская энциклопедия, подробно рассказывающая о географии, геологии, зоологии, ботанике, палеонтологии и климате региона. Ничего подобного европейская наука тех лет не знала, и этот колоссальный труд был предпринят русским ученым. В 1876 г. П.А.Чихачев был удостоен за него звания почетного члена Петербургской академии наук.

После 1860-х гг. немолодой уже Чихачев не предпринимал больше грандиозных экспедиций. Но на месте ему все равно не сиделось – в сентябре 1877 г. он отправился в небольшую (по его масштабам – она затянулась всего на год) поездку по Испании, Алжиру и Тунису, итогом которой стала одноименная книга (1880). Последним замыслом Петра Александровича стал труд «О пустынях земного шара», но он успел опубликовать только отрывки из него. Скончался великий географ и путешественник 13 октября 1890 г. во Флоренции на 82-м году жизни и был похоронен на кладбище Аллори. Парижской академии наук он завещал 100 тысяч франков на дальнейшие исследования Азии.

На Родине имя П.А.Чихачева долгое время не звучало громко. К примеру, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона вообще отказывался считать его русским ученым на том основании, что большую часть жизни Чихачев провел за рубежом, а научные труды писал только на немецком и французском языках. Это действительно так, и все же стоит признать, что выдающийся географ, геолог и путешественник был именно русским ученым – просто русским ученым мирового масштаба, что случалось в XIX столетии не так уж и часто. Сейчас его заслуги перед Россией признаны неопределимыми, а на могиле Чихачева к 150-летию со дня его рождения появилась мраморная плита с надписью по-русски: «Родина чтит тебя, дорогой Петр Александрович».

Николай Иванов

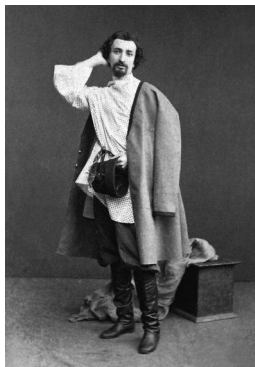
(1810–1880)

Николай Кузьмич Иванов (настоящая фамилия – Карбаченский) родился в небольшом местечке Воронеж Черниговской губернии 10 октября 1810 г. в семье крепостных крестьян (по другим сведениям – бедных мещан). С раннего детства пел в церковном хоре, обучался в Глуховской певческой школе. Уже в десятилетнем возрасте проявивший незаурядные способности Николай был приглашен не куда-нибудь, а в Придворную певческую капеллу, возглавлявшуюся знаменитым композитором Д.П. Бортнянским. О большем церковному певчему в России нельзя было и мечтать.

В 1827 г. голос Иванова окончательно «определился». Теперь это был мягкий, приятный тенор, и Иванова начали часто приглашать на столичные музыкальные вечера, где он исполнял оперные арии и романсы. На одном из таких вечеров юного певца заметил композитор М.И. Глинка и взял Иванова под свою опеку. Когда в 1830 г. Глинка собрался уезжать за границу на лечение, он предложил Иванову составить ему компанию, обещая познакомить с лучшими европейскими мастерами бельканто. Певец долго сомневался, но в конце концов директор Придворной капеллы Ф.П. Львов разрешил его сомнения, лично предоставив Иванову двухлетний отпуск для усовершенствования техники пения. Глинка же дал расписку в том, что будет обеспечивать Иванову необходимую финансовую помощь.

Заграничное путешествие началось в Германии и Швейцарии. Но, конечно же, целью странствий Иванова была Италия, законодательница оперной моды. В Милане Иванов начал брать уроки у певца Элиодоро Бьянки, одновременно занимаясь изучением основ актерского мастерства, а в ноябре 1831-го в Неаполе был представлен композитору Гаэтано Доницетти и знаменитому тенору Джованни Рубини. При помощи Глинки и князя Г.П. Волконского певца ласково приняли в итальянских музыкальных кругах, и его дебют в театре Сан-Карло встретил общее одобрение. Впервые Иванов вышел на европейскую сцену 6 июля 1832 г. в опере Доницетти «Анна Болейн», с блеском исполнив партию лорда Ричарда Перси.

Между тем двухлетний отпуск певца подошел к концу, пора было возвращаться в Россию. Но успех в Италии только начал набирать силу, Иванов уже успел почувствовать вкус славы. Бросать все и ехать в Петербург ему не хотелось. Он несколько раз продлевал срок пребывания за границей, ссылаясь на болезнь, требовавшую лечения на юге. Но в конце концов терпение Николая I лопнуло – узнав, что Иванов будет в Турции, он приказал русскому посланнику арестовать певца и под конвоем отправить в Россию. Певца предупредили об этом, и визит в Константинополь был отменен. После этого Иванова исключили из состава придворной капеллы. Император велел передать певцу, что простит его, если он вернется на Родину. Но Иванов твердо отказался, после чего его имя было запрещено упоминать в русской печати.

Н.К. Иванов

Певец понимал, что в новых условиях карьеры в России ему никогда уже не сделать. Кроме того, в Петербурге мода на итальянскую манеру пения уже прошла (так, оперные певцы из Италии не выступали в России целых десять лет, с 1833 по 1843 г.). Иванов решил остаться в Европе и принять подданство Швейцарии. В 1833-м он переехал в Париж и поступил в труппу Итальянского театра, дебютировав в «Сороке-воровке» Россини. В том же году Иванов впервые выступил в Лондоне.

В Париже Иванов жил до 1838 г. Он работал на одной сцене с ведущими мастерами мировой оперы тех лет – Джованни Рубини, Джулией Гризи, Антонио Тамбурини, Луиджи Лаблашем. В конце 1830-х – начале 1840-х Иванов снова в Италии, выступает в Милане, Болонье, Генуе, Флоренции, Палермо. Среди его лучших партий были премьеры в роли Рикардо («Мария, королева Англии» Пачини), Теобальда («Еврейка» Пачини), Артура («Пуритане» Беллини), Эрнани («Эрнани» Верди). По просьбе Россини Верди написал специально для Иванова арию «Odo il voto o grande iddio». В дальнейшем Верди сочинил для Иванова арию в опере «Аттила» (в такой редакции она исполнялась до 1849 г.). А Доницетти специально для него написал целую оперу – «Любовный напиток».

Расцвет европейской славы русского тенора пришелся на 1838–1845 гг. Его называли великим мастером бельканто, единственным соперником Джованни Рубини. Кроме оперных арий, Иванов с блеском исполнял на своих концертах русские и украинские народные песни. Европейская публика принимала певца на ура. А вот русские знатоки, слышавшие Иванова в Европе, нередко называли его исполнение приторным и вялым.

Как именно закончил карьеру Николай Иванов, в точности неясно. По некоторым данным, он выступал в Италии до октября 1852 г. Затем его голос начал ухудшаться, и от работы на большой сцене пришлось отказаться. До 1868 г. Иванов жил во Флоренции, затем переехал в Болонью. Там певец русского происхождения и скончался 7 июля 1880 г.

Сейчас имя выдающегося тенора XIX столетия известно только специалистам. А ведь, если вдуматься, именно он и был самым успешным и знаменитым русским певцом всех времен. Хорошо сказал о Николае Иванове музыковед Е.С. Цодоков: «Феномен уникального “итальянского певца” русского происхождения практически не имеет аналогов в отечественной истории. Разумеется, было много артистов, особенно в эмиграции после революции, которые успешно выступали за границей, но ни один из них не достигал славы своего предшественника (быть может, за исключением Шаляпина), который успешно соперничал с лучшими тенорами той эпохи... Более того, если тот же Шаляпин прославился уже в России, то Иванов сделал свою карьеру, что называется, “с нуля” непосредственно на Западе, что, при тогдашнем состоянии и известности в Европе русской музыкальной культуры, может считаться художественным подвигом».

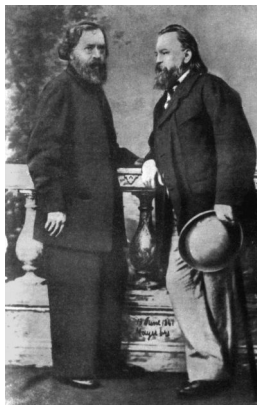
Александр Герцен

(1812–1870)

Александр Иванович Герцен родился в Москве 25 марта 1812 г. Он был незаконнорожденным сыном знатного и богатого помещика Ивана Алексеевича Яковлева и 16-летней немки Генриетты-Луизы Гааг, и фамилия Герцен, придуманная отцом, происходила от немецкого слова «Herz» – «сердце». Мальчик получил хорошее домашнее образование с ярко выраженным европейским уклоном – французскую и немецкую литературу и историю он знал гораздо лучше, чем русскую. Это привело к тому, что уже в ранней молодости Герцен стал убежденным «западником», ненавидевшим отечественный «произвол». Глубокое впечатление на подростка произвело известие о казни пяти декабристов в июле 1826 г. Вместе со своим лучшим другом Николаем Огарёвым Герцен дал клятву на Воробьевых горах до смерти бороться с «деспотизмом», а на физико-математическом отделении Московского университета создал кружок, на собраниях которого романтически настроенные юноши мечтали о борьбе за «свободу». Тогда же Герцен впервые попробовал перо, написав статью об одном из героев Шиллера.

Все это было, конечно, обычным юным фрондерством, но власти сочли иначе, и в июле 1834 г. участников кружка, незадолго до того закончивших учебу, арестовали – за то, что на одной из вечеринок они пели антиправительственные песни и разбили бюст Николая I. В апреле 1835-го Герцен был сослан в Пермь, откуда отец выхлопотал ему перевод в Вятку, а затем во Владимир. В мае 1838-го Герцен обвенчался со своей двоюродной сестрой Натальей Захарьиной, которая родила ему впоследствии четверых детей.

Ровно два года спустя Александр вернулся в Москву, где в то время бурлила «философская» жизнь – зарождались на свет течения западников и славянофилов, обсуждались модные теории Гегеля и Прудона. В это время Герцен уже считался одним из столпов радикальной русской интеллигенции, к тому же «пострадавшим за свободу» (в июле 1841 – июле 1842 г. он прошел через вторую ссылку в Новгород). К концу 1840-х относятся наиболее известные литературные произведения Герцена – роман «Кто виноват?», повести «Доктор Крупов» и «Сорока-воровка», философские «Письма об изучении природы». Талантливо и ярко написанные, они уже тогда приобрели широкую известность, а век спустя и вовсе статус русской классики.

Н.П. Огарёв и А.И. Герцен. Лето 1861 г.

Эмигрантом Герцен стал... благодаря смерти отца. В 1846 г. И.А. Яковлев скончался, завещав большое состояние Генриетте Гааг и Герцену. Будучи материально независимым, он решил отправиться с семьей в «обетованную землю» всех русских вольнодумцев тех лет – Европу. Уезжал из Москвы 19 января 1847-го. Вряд ли эта поездка заранее замышлялась как пожизненная, но вышло именно так. Революционный 1848 г., связи Герцена с крайне левыми европейскими политиками закрыли ему дорогу в Россию. В июле 1849 г. на имущество эмигранта в стране был наложен арест. Но, видимо, Герцен уже тогда воспринимался в Европе как крайне важная фигура в деле антироссийской пропаганды, так как за него неожиданно вступился не кто иной, как самый влиятельный банкир мира – Джеймс Ротшильд. Он пригрозил правительству России тем, что оставит его без новых займов, и этот аргумент оказался для Николая I действенным: с имущества беглеца тут же сняли арест. С тех пор Герцен больше не испытывал финансовых затруднений, к тому же он весьма успешно занимался операциями с недвижимостью и ценными бумагами. Формально стал гражданином Швейцарии, но деятельность вел по всей Европе.

В начале 1850-х Герцен пережил целый ряд личных драм – уход жены к немецкому поэту Георгу Гервегу и ее последующая смерть, гибель в кораблекрушении матери и младшего сына. После этой трагедии Герцен перебрался в Великобританию. В конце 1852-го им были написаны первые главы воспоминаний (впоследствии они получили название «Былое и думы»), а в апреле 1856-го к нему присоединился старый друг Николай Огарёв. К этому времени в Лондоне уже три года как существовала Вольная русская типография, первый в истории эмигрантский информационный центр, работавший «на экспорт» – его продукция предназначалась для распространения в России. То, что в 1854–1856 гг. Великобритания находилась в состоянии войны с Россией, Герцена нисколько не смущало.

Альманах «Полярная звезда» (1855–1868) и газета «Колокол» (1857–1867) стали наиболее заметными среди «альтернативных» средств массовой информации XIX столетия. На их страницах поднимались наиболее острые и злободневные вопросы внешней и внутренней политики России, открыто критиковались и высмеивались «руководящие лица», оперативно комментировались все шаги правительства. Интересно, что и «Полярную звезду», и «Колокол» внимательно читали в Зимнем дворце, а в Лондоне к Герцену периодически являлись с почтительными визитами вполне верноподданные россияне. Мало-помалу у изданий появились тайные корреспонденты в России, которые снабжали Герцена свежими материалами. В 1861-м «Колокол» восхищенно отзывался на освобождение крестьян, и многим тогда казалось, что позиция Герцена и политика российского правительства наконец-то совпали. Но во время польского восстания 1863–1864 гг. «Колокол» стал рупором откровенно антирусской пропаганды, и это оттолкнуло от Герцена многих даже весьма либеральных читателей. Тиражи газеты упали в десять раз – с 5000 до 500 экземпляров.

В 1860-х Александр Герцен медленно, но неуклонно утрачивал статус русского эмигранта номер один. Для молодых революционеров он был уже не более чем обломком ушедшей эпохи, для либералов – отщепенцем, показавшим свое истинное лицо во время польского мятежа. По-видимому, и английское правительство перестало воспринимать его в качестве главного антирусского «тарана», потому что в марте 1865 г. неожиданно согласилось с требованием России выдворить Герцена с британской территории. Покинув Лондон, Герцен попытался наладить издание «Колокола» в Женеве, но это ему не удалось. Последний номер увидел свет 1 июля 1867 г.

21 января 1870 г. 57-летний Герцен скончался в Париже от плеврита. Его похоронили на кладбище Пер-Лашез, затем прах перевезли в Ниццу, где он и покоится по сей день.

Нет сомнений, что Герцен был в высшей степени интересной и противоречивой фигурой, крупным и своеобразным писателем и мыслителем, выдающимся общественным деятелем. Но нет сомнений и в том, что его значение в русской истории и литературе было безмерно преувеличено «общественной мыслью» и литературоведением еще в конце XIX столетия, хотя формально в России он был запрещен до 1905 г., а первое полное издание «Былого и дум» увидело свет только в 1920-м. Дошло до того, что он воспринимался на уровне таких классиков, как Тургенев и Достоевский. В высшей степени почтительным отношением к Герцену было и во времена СССР, слова Ленина «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию...» стали классическими. Не пересматривалось восприятие Герцена и в XXI веке: в честь эмигранта по-прежнему называются улицы, площади, институты. Впрочем, все это – скорее по инерции: вряд ли кто-то всерьез продолжает считать Герцена «титаном мысли» и «борцом за свободу». Очередной всплеск интереса к личности Александра Ивановича в России возник в 2012 г. в связи с 200-летием со дня его рождения.

Михаил Бакунин

(1814–1876)

Михаил Александрович Бакунин родился 18 мая 1814 г. в селе Прямухино Новоторжокского уезда Тверской губернии в большой семье знатного помещика, отставного надворного советника Александра Михайловича Бакунина и его жены Варвары Александровны, урожденной Муравьевой. В 15 лет получивший отличное домашнее образование Михаил по желанию отца поступил в Петербургское артиллерийское училище, откуда в январе 1833 г. был выпущен в чине прапорщика. Однако армейская служба совсем не прельщала молодого офицера. В декабре 1835 г. он вышел в отставку и поселился в Москве, решив посвятить себя науке. На жизнь Бакунин рассчитывал зарабатывать уроками физики и математики.

Молодой человек с головой окунулся в изучение классической германской философии – Канта, Фихте, позже – Гегеля, завел многочисленные знакомства в научной и литературной московской среде, где скоро приобрел репутацию яркого полемиста. Портрет молодого Бакунина оставил А.И. Герцен: «Бакунин обладал великолепной способностью развивать самые абстрактные понятия с ясностью, делавшей их доступными каждому, причем они нисколько не теряли в своей идеалистической глубине... Бакунин мог говорить целыми часами, спорить без устали с вечера до утра, не теряя ни диалектической нити разговора, ни страстной силы убеждения. И он был всегда готов разъяснять, объяснять, повторять без малейшего догматизма. Этот человек рожден был миссионером, пропагандистом, священнослужителем. Независимость, автономия разума – вот что было тогда его знаменем, и для освобождения мысли он вел свою войну с религией, войну со всеми авторитетами. А так как в нем пыл пропаганды сочетался с огромным личным мужеством, то можно было уже тогда предвидеть, что в такую эпоху, как наша, он станет революционером, пылким, страстным, героическим. Вся жизнь его была посвящена одной лишь пропаганде».

Однако быть самоучкой в философии Бакунин не хотел и потому собрался в Берлин, чтобы продолжить обучение уже там. Незадолго до отъезда он умудрился испортить отношения практически со всеми своими недавними приятелями. Так, В.Г. Белинский писал о нем: «Чудесный человек, глубокая, самобытная, львиная природа! – этого у него нельзя отнять; но его претензии, мальчишество, офицерство, бессовестность и недобросовестность – все это делает невозможным дружбу с ним. Он любит идеи, а не людей, хочет властвовать своим авторитетом, а не любить». В зарубежный вояж Бакунина провожал только Герцен. 4 октября 1840 г. в Кронштадте Михаил сел на пароход и отправился в Германию...

Эта поездка в Европу оказалась решающей для всей дальнейшей жизни отставного поручика-артиллериста. Вникнув поглубже в творческое наследие Гегеля, он примкнул к так называемым «левым гегельянцам», начал выступать в русской и европейской печати с критикой Шеллинга и понемногу стал стопроцентным западником, не желавшим иметь ничего общего с Родиной. 9 октября 1842 г. Бакунин написал брату Николаю: «После долгого размышления... я решил никогда не возвращаться в Россию. Не думай, чтобы это было легкомысленное решение. Оно связано с внутренним смыслом всей моей прошедшей и настоящей жизни. Это моя судьба, жребий, которому я противиться не могу, не должен и не хочу. Не думай также, чтобы мне было легко решиться на это, – отказаться навсегда от отечества, от вас, от всего, что я только до сих пор любил. Никогда я так глубоко не чувствовал, какими нитями я связан с Россией и со всеми вами, как теперь, и никогда так живо не представлялась мне одинокая, грустная и трудная будущность, вероятно ожидающая меня впереди на

чужбине, и, несмотря на это, я безвозвратно решился. Я не гожусь теперешней России, я испорчен для нее, а здесь я чувствую, что я хочу еще жить, я могу здесь действовать, во мне еще много юности и энергии для Европы».

М.А. Бакунин (сидит в центре) среди участников конгресса I Интернационала в Базеле. 1869 г.

В марте 1842 г., будучи в Саксонии, Бакунин свел знакомство с известным «левым» немецким поэтом Георгом Гервегом. Сдружились они быстро и настолько тесно, что начали даже снимать вместе квартиру. Но Гервег, сильно нервировавший власти своим творчеством, вскоре был приговорен к высылке за пределы страны и решил перебраться в Швейцарию. В знак солидарности с ним уехал и Бакунин. В Цюрихе он чрезвычайно быстро оброс знакомствами в среде не просто «левой», а крайне радикальной – его приятелями становятся коммунисты. В феврале 1844-го Бакунин отверг требование русского поверенного в делах в Швейцарии вернуться в Россию, после чего был лишен дворянства, всех прав состояния и заочно приговорен к каторжным работам. 12 декабря 1844 г. это решение одобрил Николай I. Впрочем, Бакунина это обстоятельство нисколько не расстроило.

Пиком политической активности русского радикала-эмигранта стал конец 1840-х гг. Он наладил связи с левыми кругами в Париже, Брюсселе, был участником Пражского восстания 1848 г. и Дрезденского – 1849 г. После ареста в Хемнице Бакунин был приговорен судом Саксонии к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением. Через два года Саксония выдала Бакунина Австрии, где он получил за участие в Пражском восстании уже второй смертный приговор, тоже замененный пожизненной тюрьмой. Впрочем, тут о беглеце вспомнило русское правосудие, и Австрия 17 мая 1849 г. в Кракове передала Бакунина России. Так Михаил Александрович снова оказался на Родине – на этот раз в качестве арестованного, с кандалами на руках и ногах. По его признанию, когда он увидел русских офицеров и солдат, пришедших за ним, то помимо воли испытал радость и умиление – наконец-то снова доведется увидеть Россию!..

Впрочем, Россия для Бакунина свелась к стенам тюремной камеры. Последние годы правления Николая I и первые – Александра II он провел в заключении – сначала в Петропавловской крепости, затем в Шлиссельбургской. Только в 1857 г., уступив многочисленным просьбам родни арестанта, император распорядился перевести его в Сибирь на вечное поселение. Жил Бакунин сначала в Томске (где в октябре 1858-го женился на 18-летней дочери польского ссыльного Антонине Квятковской), а с марта 1859 г. – в Иркутске.

Но Бакунин не был бы собой, если бы не совершил побег оттуда, откуда, казалось бы, он был невозможен. Впрочем, назвать это предприятие «побегом» можно только с натяжкой – скорее, ссыльный умело воспользовался заведенными в Сибири нужными знакомствами. В итоге генерал-губернатор Корсаков, сестра которого выходила замуж за брата Бакунина, выдал ему бумагу, разрешавшую свободно путешествовать по рекам Шилка, Амур, Уссури и Сунгари, а иркутский губернатор Извольский – паспорт, в котором Бакунин именовался бывшим прапорщиком, получившим разрешение на вступление в государственную службу.

5 июня 1861 г. Бакунин покинул Иркутск и месяц спустя был уже в Николаевске. Там он сел на русский клипер «Стрелок», командир которого проявил беспечность и задерживать беглеца не стал. Вскоре Бакунин перебрался с русского корабля на американское судно «Викерс», которое «Стрелок» вел на буксире. 5 сентября в японской Йокогаме ему удалось пересест с «Викерса» на другой американский корабль, шедший в Сан-Франциско. В декабре 1861 г. Бакунин добрался до Лондона, где встретил теплый прием в лице Герцена. Так Михаил Александрович вторично стал эмигрантом, на этот раз уже навсегда.

Бурлящие 1860-е стали для уже немолодого, но полного сил Бакунина новым пиком политической деятельности. Он вступил в основанный Марксом I Интернационал, что стало в итоге причиной раскола этой организации, возглавил собственный «Международный союз за демократический социализм», перевел на русский язык «Манифест коммунистической партии» Маркса (1869), вынашивал идею разрушения современных государств и замены их некими «свободными автономными обществами». В 1874 г. свет увидел самый крупный теоретический труд Бакунина «Государственность и анархия», в котором он призывал делать ставку в революционном движении на люмпен-пролетариат, который должен постоянными бунтами расшатывать существующее общество. Бакунин лично попытался доказать справедливость своих идей на практике и даже возглавил небольшое восстание в Болонье, однако оно полностью провалилось. В отчаянии Бакунин хотел было застрелиться, но соратники удержали его от этого шага.

В последние годы жизни Бакунин жил в Италии, а с 1872 г. – в швейцарском Лугано. Финансовое положение революционера было плачевным. В 1872 г. жена Бакунина писала Н.П. Огареву: «Нужда теснит нас. Хозяйка отказала б нам в квартире, если б мы не выплатили к 8 февраля 317 фр. Мы были вынуждены сделать заем в 300 фр., и в конце февраля мы должны выплатить эту сумму в здешний национальный банк, иначе у нас опишут все наши вещи. Николай Платонович, вы легко поймете мое отчаяние... Семья моя далеко. Мишель не имеет никаких средств, у меня двое маленьких детей. Николай Платонович, вы старый друг Мишеля, постарайтесь помочь нам, спасите нас от горького стыда описания нашего бедного имущества. Отвечайте, отвечайте скорее ради всего, что есть для вас святого». Несколько легче Бакунину стало после того, как его теорией увлекся богатый итальянец Карло Каффиеро. В августе 1873 г. он помог Бакунину приобрести небольшую двухэтажную виллу «Бароната». Впрочем, в буржуазном образе жизни обвинить его было трудно.

С годами Бакунин чувствовал себя все хуже, а политические события в Европе все сильнее убеждали его в том, что вся его кипучая деятельность ни к чему не привела. В 1873 г. он опубликовал в газете «Журналь де Женев» открытое письмо, в котором фактически попрощался с карьерой политика: «С меня этого довольно, и я, проводивший всю жизнь в борьбе, я от нее устал. Мне больше шестидесяти лет, и болезнь сердца, ухудшающаяся с годами, делает мне жизнь все труднее. Пусть возьмется за работу другие, более молодые, я же не чувствую в себе уже нужных сил, а может, и нужной веры, чтобы продолжать катить Сизифов камень против повсюду торжествующей реакции. Поэтому я удаляюсь с арены борьбы и требую у моих милых современников только одного – забвения. Отныне я не нарушу ничьего покоя, пусть же и меня оставят в покое».

Незадолго до смерти Бакунин переехал из Лугано в Берн. Там теоретик анархизма и скончался в полдень 1 июля 1876 г. в возрасте 62 лет. 3 июля его похоронили на местном кладбище Бремгартен, за гробом Бакунина шло около двухсот человек. Ни одного русского среди них не было...

Бакунин и его теории в целом получали снисходительную оценку революционных теоретиков конца XIX – начала XX в. Маркс и Энгельс называли бакунизм «детством пролетарского движения», а ленинская «Искра» в 1903 г. отмечала: «Несмотря на глубокие различия,

отличающие наши взгляды от взглядов М.А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшегося за свои убеждения».

При Советской власти фигура Бакунина была актуализирована – его портреты печатались в школьных учебниках, его именем назывались улицы и проспекты, он считался своего рода «предтечей» большевиков и входил в пантеон «борцов за свободу». Сейчас Михаил Бакунин и его кипучая деятельность интересуют разве что профессиональных историков.

Петр Долгоруков

(1816–1868)

«Подобно неугомонному тореадору, не переставая дразнил быка русского правительства и заставлял трепетать придворную камарилью Зимнего дворца» – так А.И.Герцен отзывался о герое этого очерка. Между тем в начале жизни будущего «неугомонного тореадора» ничто не намекало на то, что он станет одним из самых скандально известных русских эмигрантов. Князь Петр Владимирович Долгоруков, принадлежавший к одной из знатнейших фамилий России, родился в Москве 27 декабря 1816 г. в семье князя Владимира Петровича Долгорукова. Мать мальчика скончалась во время родов, отец умер год спустя. Стараниями влиятельных родственников круглый сирота был определен в самое престижное учебное заведение страны – Пажеский корпус. Его выпускников, как правило, ожидала блестящая придворная карьера, но рано проявившиеся гомосексуальные наклонности Долгорукова поставили на перспективах жирный крест – его исключили из корпуса с «волчьим билетом». Крах надежд во многом сформировал характер князя – злопамятный, мстительный, скрытный. Болезненно переживал он и свое физическое увечье – хромоту.

Несмотря на то что к государственной службе Долгорукова не допустили, его происхождение открыло ему дорогу в светские гостиные столицы, где у него было прозвище *Bancal* – «хромоножка». Постепенно беседы с представителями русской аристократии пробуждали в Долгорукове интерес к генеалогии, и в 1840 г. по итогам работы в архивах Департамента герольдии он выпустил свой первый научный труд – «Сказание о роде князей Долгоруковых», за которым в 1841–1844 гг. последовал четырехтомный «Российский родословный сборник». Эти работы сразу же сделали Долгорукова одним из ведущих русских генеалогов тех лет.

В своих книгах князь Петр Владимирович предложил очень удобную систему описания каждого знатного рода. Каждый представитель фамилии получал в росписи порядковый номер. Скажем, основатель рода – № 1, его сыновья – № 2, 3, 4 и 5, внуки – № 6, 7, 8 и т. п., при этом собственный номер представителя рода размещался на левом поле страницы, а номер его отца – на правом. Это позволяло легко проследить историю той или иной ветви на протяжении нескольких веков. Изобретенная Долгоруковым схема используется генеалогами всего мира до сих пор, а его исследования знатнейших русских фамилий до сих пор не потеряли своего значения. В сущности, Долгоруков стал одним из «отцов» русской генеалогии как науки.

В процессе работы над «Российским родословным сборником» Долгоруков, помимо официальных данных о знатнейших фамилиях России, собрал множество неофициальных. Это были семейные сплетни, слухи, легенды, утаиваемые данные о внебрачных детях и т. п. И вот тут-то князь решил отомстить всем тем, кто высокомерно оттолкнул его в начале жизни, не допустив к высотам придворной карьеры. В 1842 г. под псевдонимом граф Альмагро он опубликовал в Париже книжечку «Заметки о главных фамилиях России», где обнародовал самые скандальные факты из своей коллекции.

П.В. Долгоруков. Портрет 1840-х гг.

Книга вызвала настоящую бурю при русском дворе. Николай I лично повелел разыскать автора брошюры и доставить его в Россию. Отдельный корпус жандармов оказался на высоте – графа Альмагро быстро нашли, привезли на Родину и сослали в Вятку. Впрочем, в ссылке князь вел себя в высшей степени примерно, в поступке раскаялся, к тому же за него заступились другие Долгоруковы. В 1844-м Петру Владимировичу разрешили вернуться в Москву. В день своего отъезда он угостил вятского губернатора и местных дворян котлетами из своей собаки, шкуру которой показал участникам прощального обеда в его финале...

В 1854–1857 гг. увидела свет четырехтомная «Российская родословная книга», очередной масштабный генеалогический труд Долгорукова. Но карьеры кабинетного ученого ему явно было мало – в 1855-м, после воцарения Александра II, князь начал буквально засыпать его всевозможными реформаторскими проектами. Впрочем, делать одиозно известного князя одним из лидеров тогдашней «перестройки» император явно не спешил, и бывший крайне высокого мнения о своей персоне Долгоруков страшно оскорбился. 13 мая 1859 г. он тайно покинул Россию, как вскоре выяснилось – навсегда.

За рубежом Петр Владимирович пришелся ко двору – бойкие перья, готовые работать против России, там всегда ценились высоко, а Долгоруков был просто бездонным кладом разных неаппетитных подробностей из жизни придворного мира. В сентябре 1860 г. он впервые проявил себя как журналист, выпустив во Франции первый номер газеты «Будущность», по направлению напминавшей герценовский «Колокол». Однако деятельность Долгорукова-газетчика оказалась недолгой: русское посольство нажало на его французских компаньонов, и в декабре 1861-го на 25-м номере «Будущность» прекратила существование. В дальнейшем Долгоруков пробовал издавать газеты «Правдивый», «Правдолюбивый», «Листок». Их век тоже был недолог, но роль в истории русской зарубежной печати они сыграли достаточно яркую. Разоблачений Долгорукова в России боялись даже больше, чем памфлетов Герцена, – ведь Долгоруков был, что называется, «своим», хорошо знал подноготную придворных кругов и не стеснялся выставлять на всеобщее обозрение самые неудобоваримые мелочи, вплоть до особенностей утреннего туалета Александра II. Двухтомник «Правда о России» (1860) прогремел на всю Европу. В ответ на требование вернуться в Петербург Долгоруков отправил в Россию свою фотографию с припиской: «Можете фотографию эту сослать в Вятку или Нерчинск, по вашему выбору, а сам я – уж извините – в руки вашей полиции не попадусь и ей меня не поймать». Неудивительно, что 5 июля 1861 г. Сенат лишил Долгорукова княжеского титула, всех прав состояния и приговорил к вечному изгнанию из России...

Впрочем, эмигрантская судьба Долгорукова оказалась недолгой. 6 августа 1868 г. главный скандалист русской аристократии после тяжелой болезни скончался в швейцарском

Берне. Ему не было и 52 лет, но шума за свою жизнь Хромоножка успел наделать все же немало.

Иван Турчанинов

(1822–1901)

Иван Васильевич Турчанинов родился 24 (по другим данным – 30) декабря 1822 г. в донской станице Константиновской в семье казачьего офицера и был назван в честь дяди – генерал-лейтенанта, погибшего во время Отечественной войны 1812 г. В 1832–1835 гг. Иван учился в 1-м кадетском корпусе в Петербурге, после чего окончил Новочеркасскую военную гимназию. Высшее военное образование юноша отправился получать в Михайловское артиллерийское училище, откуда в 1841-м был выпущен в чине хорунжего в 5-ю Донскую артиллерийскую батарею. Три года спустя молодого офицера перевели в Петербург, в лейб-гвардии 6-ю конно-артиллерийскую батарею. Боевым крещением гвардейского подпоручика стала венгерская кампания 1849 г. В 1852 г. Турчанинов закончил с малой серебряной медалью Академию Генерального штаба, после чего получил перевод в Генштаб с назначением квартирмейстером 2-й гвардейской пехотной дивизии. С началом Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. Турчанинов был направлен в Севастополь командиром 3-й полевой батареи и по итогам боевых действий произведен в полковники. Для 33-летнего офицера это была поистине блестящая карьера.

С 1856 г. Турчанинов нес службу в русской Резервной армии, расквартированной в Польше. Именно оттуда он и отправился с женой Надеждой Дмитриевной за границу – на лечение в Мариенбад... На деле же годовой отпуск обернулся для русского полковника концом старой и началом новой жизни. В Россию он уже не вернулся, избрав для себя другую страну, другую службу и даже другое имя.

Из источника в источник кочуют описания Турчанинова как «революционного публициста», ярого противника самодержавия и чуть ли не лучшего друга Герцена. На самом же деле у нас слишком мало сведений для того, чтобы делать такие смелые выводы. Сохранилось одно-единственное письмо Турчанинова Герцену, и хотя известно, что они встречались в Лондоне, вряд ли эта встреча была судьбоносной. Полковник явно сделал свой выбор сам, при поддержке жены. Можно предположить, что в России его возмущало наличие крепостного права, а идеалом свободы и демократии казалась Америка – для европейца тех лет страна в высшей степени экзотическая. Так или иначе, после недолгого пребывания в Лондоне супруги Турчаниновы отправились в США, а в России 27 ноября 1857 г. был издан грозный приказ, предписывавший «за долговременное непробытие из отпуска исключить из службы полковника Турчанинова и предать его военному суду по отыскании».

Джон Бэзил Турчин (И.В. Турчанинов) – генерал американской армии

Поселившись в США, Турчанинов первым делом изменил имя на Джон Бэзил Турчин, а затем начал пытаться приспособиться к новой действительности. Она оказалась далеко не такой сладкой, как представлялось, – пытавшиеся заниматься фермерством Турчины быстро прогорели. Бывшему полковнику приходилось рисовать портреты богатых плантаторов-южан, а его жена поступила в медицинский колледж в Филадельфии. Американские реалии скоро разочаровали эмигрантов. Больше всего их возмущало рабство негров, и Турчины начали активно участвовать в «подземной дороге» – так назывались дома белых американцев, в которых укрывались беглые рабы по пути в северные штаты, где рабство уже было отменено.

«Разочарование мое полное; я не вижу действительной свободы здесь ни на волос, – писал Турчанинов Герцену в 1859 г. – Эта республика – рай для богатых; они здесь истинно независимы; самые страшные преступления и самые черные происки окупаются деньгами... Что касается до меня лично, то я за одно благодарю Америку: она помогла мне убить наповал барские предрассудки и низвела меня на степень обыкновенного смертного».

В 1861 г. противоречия между южными и северными штатами достигли предела и в феврале вызвали раскол страны на два государства – Конфедеративные Штаты Америки (11 рабовладельческих штатов во главе с президентом Джефферсоном Дэвисом) и собственно США. Между странами начались боевые действия. Турчин вступил в федеральную армию в чине полковника и получил под командование 19-й Иллинойский пехотный полк. Любопытно, что этот полк формировался из добровольцев, которые имели право сами выбирать себе командира. На должность претендовали два офицера – Джон Турчин и Улисс Грант, в будущем главнокомандующий армией северян и президент США. По настоянию солдат командиром полка стал именно Турчин.

Вскоре генерал получил под командование 8-ю пехотную бригаду, состоявшую из четырех полков. В боевых действиях она начала участвовать в 1862-м. 2 мая этого года бригада полковника Турчина взяла город Афины, штат Алабама, после чего солдаты бригады устроили в городе погром. Так они отомстили врагу за недавнюю расправу над пленными солдат 18-го Огайского полка. За это полковника предали военно-полевому суду. Его председатель Джеймс Гарфилд, в будущем президент США, писал, что судьи «ожидали увидеть дикого казака, заросшего бородой, но встретились с прекрасно образованным и глубоко порядочным человеком».

Тем не менее суд постановил уволить полковника из армии. За любимого командира вступились его офицеры и солдаты, жена Турчина обратилась с прошением к Аврааму Линкольну. Решение президента было неожиданным – 17 июня 1862 г. он присвоил Турчину чин бригадного генерала, тем самым косвенно одоблив его действия и восстановив его в рядах вооруженных сил.

В кампанию 1863 г. генералу Турчину довелось отличиться в двух крупных боях. В сражении при Чикамоге 19–20 сентября 1863 г. его бригада прославилась героической контратакой южан, в ходе которой было взято в плен около трехсот солдат противника и несколько орудий. А в ходе тяжелейшего боя при Чаттануге 24–25 ноября 1863 г. бригада Турчина отличилась в атаке на позиции противника, причем русский генерал сам повел свое соединение в бой. Победа при Чаттануге в корне изменила ситуацию на фронте – армия генерала Шермана получила возможность начать знаменитый «марш к морю». В его ходе Джон Турчин перенес тяжелый сердечный приступ и был вынужден выйти в отставку.

Снова став штатским человеком, Турчин вернулся в Чикаго, служил там адвокатом и инженером, написал несколько книг по истории Гражданской войны и издавал газету

«Милитэри рэмблз». Но постепенно здоровье отставного генерала ухудшалось, и он решил написать прошение на имя Александра II с просьбой разрешить ему вернуться на Родину. На этом прошении министр иностранных дел России князь А.М. Горчаков отметил, что «человек, имевший счастье служить Российскому Императору, не может служить другой стране». Александр II прибавил чуть ниже: «Нет, конечно». Таким образом путь в Россию для Турчина был закрыт.

Старость супругов Турчиных прошла в страшной бедности. Американское правительство назначило герою Гражданской войны пенсию размером всего лишь в 50 долларов. Зарабатывать на жизнь бывшему генералу пришлось уличной игрой на скрипке. 19 июня 1901 г. отставной бригадный генерал скончался в возрасте 79 лет в городе Энн, штат Иллинойс, и был похоронен с воинскими почестями на военном кладбище города Маунт-Сити. Газета «Чикаго геральд трибюн» в некрологе отметила, что Турчин «был борцом за человеческую свободу и принцип справедливости».

Прошли годы, но Иван Турчанинов, он же Джон Турчин, так и остался единственным русским, получившим генеральский чин в армии Соединенных Штатов Америки.

Петр Кропоткин

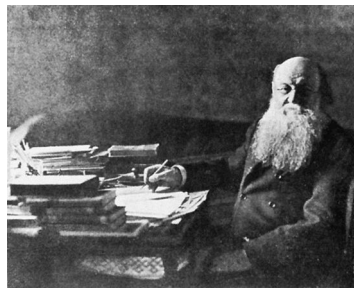
(1842–1921)

Князь Петр Алексеевич Кропоткин родился 27 ноября 1842 г. в Москве в семье генерал-майора князя Алексея Петровича Кропоткина и его жены Екатерины Николаевны, урожденной Сулимы. Отучившись два года в 1-й Московской классической гимназии, Петр в августе 1857 г. поступил в Пажеский корпус (этим он был обязан Николаю I, который лично пожелал видеть Петра среди пажей). Выпускники корпуса выбирали обычно придворную карьеру, но Кропоткина она не интересовала. Его тянуло в дальние края, и в 1862 г. он выбрал военную службу в Забайкалье. Такое решение с недоумением встретили не только соученики князя, но и лично знавший его Александр II. Но Кропоткин настоял на своем и отправился к месту службы.

Молодой князь служил в Амурском казачьем войске, предпринял несколько экспедиций по Восточной Сибири и Маньчжурии, изучал быт якутов, бурят и тунгусов. Некоторое время Кропоткин горел желанием улучшить тюремную систему России, но, столкнувшись с косностью провинциального чиновничества, разочаровался в своих идеях. В 1867 г. Петр вышел в отставку, перевелся на гражданскую службу, переехал в Петербург и поступил на физико-математический факультет столичного университета. Одновременно он продолжил научные занятия – описания горных хребтов Сибири, сделанные Кропоткиным, легли в основу всех современных карт. Именно Петр Алексеевич ввел в научный оборот термин «вечная мерзлота». За достижения в научной области Русское географическое общество в 1868 г. удостоило князя золотой медали.

Жизнь Кропоткина резко изменилась после поездки в Цюрих, где князь Петр Алексеевич свел знакомство с представителями русского революционного мира. Особенно впечатлили его сторонники Михаила Бакунина – анархисты. Их идеи показались Петру Алексеевичу интересными и отчасти «легли» на его собственные наблюдения о политическом устройстве России. Вернувшись на Родину, Кропоткин вышел в отставку в чине титулярного советника, вступил в тайное «Большое общество агитации» и начал «хождение в народ», объясняя столичным рабочим, «как мало ценится в России рабочий труд и как, напротив, быстро и легко наживаются фабриканты». Впрочем, Третье отделение не дремало, и на след агитаторов быстро вышли благодаря помощи тех самых фабрикантов, которых обличал Кропоткин и его товарищи. 21 марта 1874 г. 32-летний князь сделал в Русском географическом обществе блестящий доклад о ледниковом периоде, а через день был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Содержался Кропоткин в полутемной сырой одиночке. В крепости он мог продолжать научную работу – Александр II лично распорядился выдавать ему ежедневно «до солнечного заката» перо, чернила и бумагу (правда, Кропоткин жаловался на то, что зимой солнце садилось уже в три часа дня, но делать было нечего). В хорошей физической форме помогала поддерживать себя гимнастика – Кропоткин ежедневно проходил по своей камере семь верст и делал гимнастику с тяжелой табуреткой в руках. Впрочем, через два года его все-таки скрутил ревматизм, разыгралась цинга. После того как здоровье Кропоткина ухудшилось, его перевели из крепости в военный госпиталь. Охрана там была не чета крепостной, и вскоре заключенный понял, что при желании вполне может бежать из госпиталя. Договориться с соратниками, оставшимися на воле, было совсем несложно.

П.А. Кропоткин за рабочим столом. 1891 г.

План побега блестяще удался. 30 июля 1876 г. во время прогулки по двору Кропоткин неожиданно сбросил больничный халат и побежал к пролетке, в которой его ожидал военный врач О.Э. Веймар. Часовые бросились в погоню, не открывая огня – они были уверены, что догонят узника. Но в итоге Кропоткин оказался проворнее. Успех заговорщики поехали отмечать в модном ресторане «Донона». Расчет на то, что никому и в голову не придет искать беглеца именно там, оказался совершенно верным.

Через несколько дней Кропоткин с паспортом на имя Левашова выехал в Финляндию, откуда перебрался в Швецию. Через норвежский порт Христиания (ныне Осло) он добрался до Великобритании, а оттуда в январе 1877 г. – до Швейцарии, где поселился в городе Ла-Шо-де-Фон. Там князь с головой окунулся в то, что принято называть «революционной деятельностью», – переводил иностранные статьи, писал собственные, вел агитацию среди местного населения и участвовал в многочисленных собраниях анархистов. В 1879-м он основал газету «Бунтарь». Впрочем, после убийства Александра II правительство Швейцарии под давлением России выслало Кропоткина за пределы страны, и князь перебрался во Францию. В январе 1883 г. в Лионе он получил пять лет тюрьмы «за принадлежность к Интернационалу», но был освобожден в начале 1886-го под давлением общественности. После этого Кропоткин решил более не искушать судьбу и перебрался в Великобританию, всегда очень гостеприимно относившуюся к людям, работавшим на развал России. Там Кропоткину было суждено провести 31 год.

Сначала князь с женой поселились в коттедже в Харроу, недалеко от Лондона, а затем переехали в другой пригород столицы – Бромли, где приобрели небольшой двухэтажный дом. Кропоткин много работал, почти ежедневно принимал посетителей и в целом, как свидетельствовали его знакомые, был едва ли не самым известным русским эмигрантом в Англии. Впрочем, сам князь отзывался о своем местожительстве нелестно: «Такая тоска этот Лондон. Сердечно не люблю я это английское изгнание, а тут еще вся мразь и пакость империализма и реакции...» Жена Петра Алексеевича вспоминала: «Хотя масса его интересов была за границей, но он все время думал о России и все события примерял к ней и его главным образом интересовало, как эти события могут отразиться на судьбе России. Он мечтал вернуться туда... Он даже наивно нас спрашивал: “Ну как вы думаете, смогу я вернуться или нет?” И когда мы с уверенностью заявляли, что скоро в России будет революция и он вернется, то он по-детски радовался этому. Хотя что мы могли знать об этом? Во всяком случае, меньше, чем знал он сам». С началом Великой войны 1914–1918 гг. Кропоткин с глубоким сочувствием следил за действиями русской армии, искренне желал ей победы над врагом.

Судьбу старого эмигранта изменила Февральская революция. 30 мая 1917 г. 74-летнего Кропоткина торжественно встретил в Петрограде А.Ф. Керенский. Престарелому князю предлагали любой пост во Временном правительстве, но Кропоткин заявил, что считает работу чистильщика сапог более полезной, чем деятельность министра. Впрочем, на протя-

жении лета-осени 1917-го старого революционера часто приглашали в качестве «свадебного генерала» на всевозможные публичные мероприятия, и он никогда не отказывался.

К Октябрьскому перевороту Кропоткин тоже отнесся вполне благосклонно. У него были свои претензии к партии большевиков, но в целом охвативший Россию социальный эксперимент он считал своевременным и интересным. Впрочем, тесных отношений с Советской властью Петр Алексеевич не поддерживал – он твердо отказывался от пенсии, повышенного пайка, квартиры в Кремле, которые ему предлагались. Тем не менее его снабдили подписанной Лениным специальной «охранной грамотой», которая предписывала всем властям оказывать Кропоткину максимальное содействие.

В июле 1918 г. Кропоткин с женой переехал в подмосковный город Дмитров, где поселился в брошенном доме на Дворянской улице. В ночь на 8 февраля 1921 г. в возрасте 78 лет Петр Алексеевич скончался от воспаления легких. На его спасение по приказу Ленина были брошены лучшие врачи страны, но Кропоткин и здесь остался верен себе, отказавшись от всех привилегий и пожелав умереть «тихо».

Прощание с Кропоткиным проходило в Колонном зале Дома Союзов целых три дня – с 11 по 13 февраля. Отдать последний долг ветерану русской революции пришли десятки тысяч людей, в том числе советские анархисты, которых для прощания с их вождем под честное слово выпустили из тюрем. Похоронили Кропоткина на Новодевичьем кладбище.

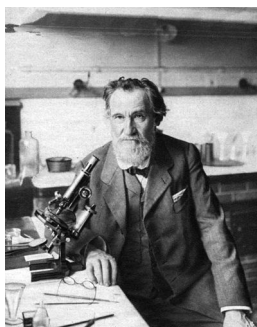
Во времена СССР имя Кропоткина было окружено почетом и признанием. По сей день в его честь в странах СНГ называются города, поселки, улицы, площади, станции метро. Новый всплеск интереса к имени Кропоткина начался в конце 1980-х гг., когда были переизданы многие его политические труды. А вот о том, что князь Петр Алексеевич был еще и виднейшим русским географом, помнят, к сожалению, совсем немногие.

Илья Мечников

(1845–1916)

Илья Ильич Мечников родился 3 мая 1845 г. в деревне Ивановка Харьковской губернии в большой семье небогатого гвардейского офицера Ильи Ивановича Мечникова и его жены Эмилии Львовны, урожденной Невахович. Мальчик рано проявил склонность к естественным наукам и в 1862 г., окончив с золотой медалью гимназию, поступил в Харьковский университет. Но уже в сентябре 1863-го Илья подал прошение об отчислении с курса – он счел процесс слишком медленным для себя и за два года закончил учебу, экстерном сдав экзамены на «отлично». Первая научная публикация 16-летнего Ильи – критика школьного учебника – появилась в московском журнале, а в 18 лет он уже опубликовался в Германии. Там же юноша продолжил обучение, получив стипендию по рекомендации знаменитого хирурга Н.И. Пирогова. В начале научной деятельности Мечников был сосредоточен на изучении низших отрядов животного мира – червей, губок и других беспозвоночных. В 1867 г. молодой ученый защитил диссертацию на степень магистра и стал доцентом одесского Новороссийского университета, в следующем году стал доктором зоологии и доцентом Петербургского университета.

В 1870 г. Мечников начал читать курс зоологии в Новороссийском университете. Среди студентов молодой, прекрасно образованный преподаватель пользовался общей любовью. Однако условия работы в России, придирки со стороны чиновников из Министерства народного просвещения устраивали ученого все меньше. В 1882-м он уехал в Италию, где поселился в Мессине. Там, наблюдая за личинками морских звезд, Мечников буквально натолкнулся на свою будущую сферу научной деятельности – медицину. Фагоцитарная теория, выдвинутая им, вызвала в 1880-х резкие возражения многих его коллег, но со временем нашла блестящее подтверждение. Впрочем, сам Мечников умел выслушивать оппонентов, признавать ошибки и не без юмора называл себя заблудившимся в медицине зоологом.

И.И. Мечников в лаборатории Пастеровского института. Между 1910 и 1915 г.

Работы по фагоцитарной теории требовали денежных вложений и новых лабораторных опытов. Поэтому в 1886 г. Мечников с удовольствием согласился возглавить созданную в Одессе частную бактериологическую станцию, с энтузиазмом взялся за дело – сам оснастил лабораторию автоклавами и микроскопами. Но у одесских чиновников его работа никакого понимания не встретила, палки в колеса начали ставить буквально на каждом шагу. А тут еще помощник Мечникова в его отсутствие допустил оплошность во время вакцина-

ции овец, в результате чего погибла большая часть стада местного помещика. Под впечатлением от этого скандала МВД запретило вакцинацию от сибирской язвы во всей стране. После этого Мечников не захотел больше оставаться на Родине, несмотря на то что принц А.П. Ольденбургский умолял его продолжать работать в России, обещая в буквальном смысле слова подарить ученому целый бактериологический институт. В 1888 г. Мечников уехал в Париж, где возглавил лабораторию Луи Пастера.

В 1890-х гг. новым увлечением Мечникова стали процессы, происходящие в кишечнике. Чтобы нейтрализовать действие гнилостных бактерий, ученый предложил насыщать пищу противоположными им по действию бактериями кисломолочными. Это, по мысли Мечникова, привело бы к омоложению организма и в итоге к увеличению срока жизни. Ученый утверждал, что старость и смерть у человека наступают рано из-за отравления организма микробными ядами. Наиболее полезными для выведения этих ядов из организма Мечников считал простоквашу и йогурт. Второй продукт – болгарское национальное блюдо – в то время был еще мало кому известен. Мечников опубликовал статью о йогурте и всячески пропагандировал его.

В 1908 г. Илье Ильичу Мечникову была присуждена высшая награда в научном мире – Нобелевская премия в области физиологии и медицины. Он стал вторым после Ивана Павлова русским лауреатом этой премии. Это была далеко не первая награда Мечникова – он был почетным доктором Кембриджского университета, членом Французской академии медицины и Шведского медицинского общества, почетным членом Петербургской академии наук.

Несмотря на то что на Родине в начале XX в. Мечников считался уже общепризнанным авторитетом и живым классиком, возвращаться в Россию он не стал. В 1913-м ему предложили возглавить в Петербурге Институт экспериментальной медицины. Ученый ответил: «Прочитав ваше дружелюбное письмо, я расчувствовался, и у меня зашевелилось в душе чуть не желание вернуться в Россию. Но после зрелого размышления я решил, что было бы невозможно. Посудите сами: мне скоро минет 68 лет. Это такой возраст, когда стариков нужно гнать в шею. Где же мне переселяться на новое место и взяться за управление институтом, которое и ранее мне было не по силам».

Отвечая так, Мечников не лукавил – в том году он перенес тяжелый инфаркт. Научой он почти перестал заниматься, работал над задуманной им книгой об «отцах медицины» – Кохе, Пастере, Листере. В 17 часов 30 минут 15 июля 1916 г. великий ученый скончался в Париже после тяжелого приступа сердечной астмы в возрасте 71 года. Урна с его прахом находится в Пастеровском институте.

Софья Ковалевская

(1850–1891)

Софья Васильевна Круковская родилась в Москве 3 января 1850 г. в семье артиллерийского полковника (впоследствии генерал-лейтенанта) Василия Васильевича Круковского и его жены Елизаветы Федоровны, в девичестве Шуберт. В 1858 г. отец Софьи смог доказать в Сенате свою принадлежность к древнему дворянскому роду Корвин-Круковских и получил право носить эту фамилию. Детство девочки прошло в приобретенном в 1841 г. поместье Полибино Невельского уезда Витебской губернии (сейчас Великолукский район Псковской области). Согласно легенде, Софья впервые заинтересовалась математикой в восьмилетнем возрасте благодаря затеянному в усадебном доме ремонту. Тогда стены ее детской оклеили страничками лекций профессора Остроградского по математическому анализу, и непонятные закорючки настолько заинтересовали девочку, что она дала себе слово непременно разобраться в них. Впрочем, точные науки были у нее, что называется, в крови – дед Софьи по материнской линии был военным геодезистом, а прадед – знаменитым астрономом.

Впрочем, не нужно думать, что Соня с детства была синим чулком. Она росла очень разносторонней и талантливой – много читала, рано начала писать стихи и прозу (впоследствии опубликовала несколько повестей), за восемь лет с домашним учителем прошла полный курс гимназии. После того как профессор физики Н.Н. Тыртов подарил отцу Сони свою новую книгу по тригонометрии, девочка внимательно прочла ее и при новой встрече поразила ученого тем, что без ошибок воспроизвела несколько сложных тригонометрических теорем. В восторге Тыртов назвал Соню «новым Паскалем» и горячо посоветовал отцу Сони развивать талант дочери.

С.В. Ковалевская. 1887 г.

Но Василий Васильевич отнесся к этому совету скептически. Более того, он категорически воспротивился дочери, когда она объявила, что намерена ехать за рубеж продолжать образование. Дело в том, что женщинам поступать в высшие учебные заведения России было запрещено, а заграничный паспорт Софья могла получить лишь с разрешения отца или мужа. Отец помочь в этой ситуации отказался наотрез. И тогда девушка начала искать «прогрессивного» молодого человека, который согласился бы фиктивно жениться на ней. Вскоре нашлась подходящая кандидатура – начинающий ученый Владимир Онуфриевич Ковалевский. Более того, он по-настоящему влюбился в Софью, хотя она относилась к Владимиру как к брату. В сентябре 1868 г. они обвенчались, а в апреле следующего года вместе с сестрой Софьи Анной выехали в Германию, где поселились в университетском городе Гейдельберг.

Заграничная жизнь тоже началась с трудностей – к занятиям русскую студентку допустили далеко не сразу. К тому же Владимир, искренне любивший «фиктивную» жену, не терял надежды сделать свой брак полноценным. Но Софья, целиком сосредоточенная на науке, решительно пресекала все его попытки наладить отношения. В конце концов после тяжелой сцены Ковалевский оставил жену, чуть позже покинула Софью и сестра Анна, вышедшая замуж за француза. Девушка осталась в Германии в одиночестве.

3 октября 1870 г. она отправилась в Берлин. Женщин в Берлинский университет не принимали, но русской любительницей математики заинтересовался маститый немецкий ученый Карл-Теодор Вейерштрасс, читавший сразу несколько курсов. Их дружба завязалась не сразу. Ковалевская пришла к Вейерштрассу домой вечером, и тот, чтобы отделаться от посетительницы, задал ей несколько сложнее задач. Но когда Ковалевская через неделю принесла ему правильные решения, Вейерштрасс взглянул на нее уже с неподдельной симпатией. Он взял Соню под опеку, выбрал для нее тему диссертации, всячески помогал. И в 1874-м представил в Гёттингенский университет три работы Ковалевской на немецком языке, подчеркивая, что для получения степени доктора философии достаточно любой из этих работ. В итоге комиссия выбрала диссертацию «К теории дифференциальных уравнений в частных производных». Впоследствии выяснилось, что подобную работу чуть раньше написал французский математик Огюстен Коши, и теорема, вошедшая во все курсы математического анализа, получила название Коши – Ковалевской. В июле 1874-го в Гёттингене Ковалевской были присуждены степени доктора философии и магистра изящных искусств. Научное признание на Родине последовало шесть лет спустя – Ковалевскую избрало своим членом Московское математическое общество.

Параллельно развивалась другая сторона жизни Софьи Васильевны. Как и полагалась «прогрессивной» женщине тех лет, она увлекалась социалистическими идеями, а потому в 1871 г. отправилась в охваченный восстанием Париж, где находилась тогда родная сестра Софьи – Анна Корвин-Круковская, бывшая замужем за коммунаром Виктором Жакларом. После поражения восстания Жаклара арестовали, но с помощью Софьи он смог бежать.

После научного триумфа в Гёттингене Ковалевская возвращалась на Родину окрыленная. Она надеялась, что ей тут же предложат работу ведущие университеты страны. Увы, реальность оказалась другой – максимум, на что могла рассчитывать в России обладательница заграничного диплома, так это место учительницы арифметики в младших классах гимназии.

Разочаровали Софью и отношения с мужем. Когда она приехала в Россию, Владимир Ковалевский встречал ее на вокзале, Софью охватил прилив нежности к нему, и на какое-то время она поверила в то, что у них настоящая, полноценная семья. Но разность характеров, отсутствие денег (Ковалевский тоже не мог найти работу), появление на свет в 1878-м ребенка, который воспринимался обоими супругами как лишняя обуза, – все это подкосило брак. Сразу после рождения дочери Софья уехала в Париж.

В отчаянии Владимир рванул в бизнес – он словно забыл о том, что несколько затеянных им раньше проектов уже обернулись ничем. Прогорел он и в этот раз: партнер обвинил его в растрате средств и угрожал судом. 16 апреля 1883 г. Ковалевский покончил с собой, надышавшись хлороформа. Весть о его самоубийстве глубоко потрясла Софью. Она четыре дня ничего не ела, на пятый потеряла сознание. До конца дней она скорбела о человеке, который сыграл такую важную роль в ее жизни, и приложила все усилия к тому, чтобы снять обвинения с него хотя бы посмертно.

Что делать после гибели мужа, Ковалевская совершенно не знала. В конце концов с пятилетней дочкой на руках она приехала в Берлин к единственному близкому ей человеку – Вейерштрассу. Старый профессор, всегда питавший к своей ученице теплые чувства, не оставил ее в беде. Подключив своих многочисленных знакомых в научном мире, Вейер-

штрасс выхлопотал для Софьи место профессора в Стокгольмском университете. Правда, ей поставили условие – первый год можно читать лекции по-немецки, затем необходимо перейти на шведский язык. Но Ковалевская прекрасно справилась с этой задачей: через два месяца она уже читала лекции по-шведски. 30 января 1884 г. она впервые поднялась в Стокгольме на кафедру и за восемь лет прочитала 12 курсов лекций. «Профессор Соня» (так ее звали в Стокгольме) стала любимицей шведских студентов.

Конец 1880-х гг. стал для Ковалевской временем международного признания. В 1888-м за работу «Задача о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки» она получила престижную премию Бордена, присуждаемую Парижской академией наук, причем сумму премии специально увеличили ввиду высокого качества работы. Шведская академия также присудила ей премию короля Оскара II, одновременно из профессора-контрактника она стала пожизненным профессором Стокгольмского университета. 7 ноября 1889 г. по настоянию П.Л. Чебышева Ковалевскую избрали иностранным членом-корреспондентом физико-математического отделения Петербургской академии наук. Специально для этого было принято постановление о возможности присуждения такого звания женщинам. Но когда в апреле 1890 г. Софья Васильевна приехала в Петербург и пришла на заседание академии, ей высокомерно сообщили, что дамам на столь высоком собрании присутствовать запрещено. Большее оскорбление для Ковалевской изобрести было трудно...

К счастью, именно в это время в ее жизни появился новый главный человек – ее однофамилец и ровесник, профессор Максим Максимович Ковалевский. Знаменитый социолог и историк, он в 1887-м был уволен из Московского университета и с тех пор жил и работал в Европе. Беспечные дни, проведенные на его вилле «Батава» в Болье-сюр-Мер, недалеко от Ниццы, стали едва ли не самыми счастливыми в жизни Софьи Васильевны. На июнь 1891-го пара запланировала свадьбу.

Но планам не суждено было осуществиться. Возвращаясь с рождественских каникул, проведенных у Ковалевского во Франции, Софья Васильевна заболела воспалением легких. Она скончалась во сне 29 января 1891 г., через 26 дней после своего сорок первого дня рождения. Могила самой знаменитой женщины-математика находится на Северном кладбище столицы Швеции.

Николай Судзиловский

(1850–1930)

Николай Константинович Судзиловский родился 15 декабря 1850 г. в Могилёве в дворянской семье мелкого судейского чиновника Константина Владимировича Судзиловского. Семья была состоятельной, но затем разорилась и вынуждена была перебраться в поместье родственников, расположенное близ Новоузенска Саратовской губернии. Старший из восьми детей, Николай с детства помогал родителям по хозяйству. Окончив с отличием гимназию, в 1868 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Еще в гимназии став свидетелями расправы над участниками польского восстания 1863–1864 гг., а затем познакомившись с сочинениями модных тогда А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, Судзиловский рано пришел к выводу, что Россия – «тюрьма народов», а российские высшие учебные заведения являются «орудиями полицейской муштровки», и решил посвятить себя борьбе за права студенчества. В октябре-ноябре 1868 г. он принял участие в нескольких студенческих демонстрациях, за что был отчислен с курса. Впрочем, это не особенно расстроило Судзиловского – к тому времени он разочаровался в юриспруденции, куда больше его интересовала медицина. Единственным университетом, в который ему разрешили перевестись, был Киевский.

В 1873 г. 23-летний Николай встал во главе так называемой Киевской коммуны – одного из первых в России студенческих объединений социалистического толка. От чтения эмигрантской литературы и мечтаний о борьбе с деспотизмом молодые люди решили перейти к делу: Николай участвовал в «хождении в народ» в городе Покровске (ныне Энгельс) Саратовской губернии, а затем устроился фельдшером в тюремную больницу города Николаевска (ныне Пугачёв Саратовской области) и участвовал в организации побега заключенных: подсыпал снотворное в чай караульным. Но один из них все-таки поднял тревогу, побег провалился, и на Судзиловского началась настоящая охота. В полицейской ориентировке, где фамилия разыскиваемого значилась под номером 10, говорилось: «Лет 25; роста немного ниже среднего; волосы русые; лицо чистое; нос довольно большой; борода небольшая редкая; одевается небрежно; по костюму похож на мастерового». Скрывшись под именем немца-колониста, через Нижний Новгород, Москву и Одессу Судзиловский в 1875 г. бежал за границу. Местом его пристанища стал Лондон, где новоявленный эмигрант устроился работать в госпиталь Святого Георгия.

Н.К. Судзиловский

В 1876 г. эмигрантские круги привлекли Николая к подготовке антитурецкого восстания в Болгарии. Тогда Судзиловский взял себе псевдоним Николас Руссель, который со временем стал его новым именем. Параллельно с революционной деятельностью он продолжал заниматься медициной, в 1877 г. защитил в Бухарестском университете диссертацию «Об антисептических методах, применяемых в хирургии», а затем возглавил больницу в Яссах. Но в апреле 1881 г. после сходки местных революционеров, отмечавших десятилетие Парижской коммуны и заодно гибель Александра II, Судзиловского выслали за пределы Румынии.

Начались странствия Николаса Русселя по Европе – Турция, Болгария, Греция, Франция, Бельгия... В 1887-м он по приглашению брата перебрался в Сан-Франциско, где открыл собственную клинику. Его верной помощницей была супруга, Леокадия Викентьевна Шебеко. К 1891-му Судзиловские получили американские паспорта. Тем не менее о своей новой родине врач-революционер отзывался крайне скептически. «Штаты представляют государство, основанное на крайнем индивидуализме, – писал он. – Они – центр мира, и мир и человечество существуют для них лишь настолько, насколько они необходимы для их личного удовольствия и удовлетворения... Опираясь на всемогущество своих капиталов, как грецкая губка, как раковая опухоль, всасывают они в себя все жизненные соки из окружающей жизни без пощады».

1890 год ознаменовался крупным конфликтом между Судзиловским и епископом Алеутским и Аляскинским Владимиром (Соколовским-Автономовым). Судзиловский начал настоящую кампанию его травли, обвиняя церковного иерарха в педофилии и растрате казенных средств. В ответ епископ предал эмигранта анафеме и запретил прихожанам лечиться у него, Судзиловский подал иск в суд... Разразился грандиозный скандал, в дело вмешался обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев, и в итоге епископ Владимир 8 июня 1891 г. был переведен из Сан-Франциско в Воронеж. Впрочем, длительная тяжба поставила крест и на американском житье-бытье Судзиловского – окончательно разочаровавшись в США, он устроился судовым врачом на пароход, курсировавший между Сан-Франциско и Гавайскими островами. Эта отдаленная американская провинция настолько понравилась ему, что в скором времени семья переселилась на самый цивилизованный и густонаселенный из Гавайских островов – Оаху.

Возле потухшего вулкана Судзиловские арендовали участок земли размером 160 акров, построили дом, обзавелись небольшой кофейной плантацией. Параллельно Судзиловский продолжил врачебную практику, за что получил от местных жителей почетное имя «каука лукини» – «добрый доктор». Николай Константинович быстро завоевал доверие туземцев, начал пользоваться в их среде огромным авторитетом.

Устройство жизни на Гавайях во многом казалось Судзиловскому несправедливым, и вскоре он начал создавать из местных жителей некое подобие революционных кружков, на заседаниях которых своими словами пересказывал аборигенам главы из трудов Маркса. Со временем это вылилось в создание партии «независимых», выступавших за независимость островов от США, реформу налогообложения и здравоохранения.

В 1900 г. на Гавайских островах согласно решению президента США была проведена административная реформа – там появился двухпалатный парламент, состоявший из палаты представителей и сената. «Независимые» во главе с Судзиловским вступили в предвыборную борьбу и во многом неожиданно для себя добились крупного успеха – сначала Судзиловский стал сенатором, а в 1901-м – первым президентом сената, то есть главой парламента

Гавайев. (Во многих источниках его называют «президентом Гавайев», что не соответствует действительности.)

Будучи спикером гавайского парламента, Судзиловский намеревался провести на островах поистине революционные преобразования. Им планировались отмена смертной казни, введение бесплатного среднего образования, коренная реформа налоговой системы. Такие масштабные изменения, естественно, затрагивали интересы местных землевладельцев и колонизаторов, и в парламенте завязалась серьезная подковерная борьба. Неискушенный в тонкостях легальной политики Судзиловский проиграл эту схватку и в 1902 г. вынужден был оставить пост. Его очередным пристанищем после Гавайев стал Китай.

Во время жизни в Шанхае Судзиловский опять «взялся за старое» – начал вынашивать планы вторжения в Россию вооруженного отряда революционеров-эмигрантов, которые должны были освободить политкаторжан в Сибири. С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. он запланировал еще более грандиозную акцию – вооружить на японские деньги 40 тысяч русских военнопленных и, высадив их десантом на Дальнем Востоке, овладеть ключевыми станциями Транссибирской магистрали, а дальше двинуться на Москву. Самое удивительное, что Судзиловскому практически удалось убедить правительство Японии освободить пленных и даже предоставить суда для их перевозки на континент!.. Известно, чем закончилась бы эта авантюра, если бы о планах Судзиловского не стало известно Азефу, а через него и русскому правительству. Кроме того, война подошла к концу, и проект Судзиловского стал попросту неактуальным. В итоге по настоянию российского МИДа эмигранта лишили гражданства США... за антиамериканскую деятельность.

Разочарованный провалом своей идеи, Судзиловский переехал на Филиппины, где основал частную лечебницу. После пяти лет, проведенных в Маниле, он перебрался в японский город Нагасаки, где тоже занимался врачебной практикой.

Весть о Февральском перевороте 1917 г. обрадовала старого эмигранта. Но еще больше восхитили его известия об октябрьских событиях в России. «Вы сделали величайшую революцию в октябре, – писал Судзиловский брату Сергею в Самару. – Если вас не раздавят противники революции, то вы создадите небывалое общество и будете строить коммунизм... Какие вы счастливые, как бы я хотел быть с вами и строить это новое общество».

Родственники и сами звали Николая Константиновича вернуться на Родину, тем более что благодаря ходатайству Общества бывших политкаторжан ему, как «ветерану русской революции», была назначена правительственная пенсия – 100 рублей золотом ежемесячно. Но, по всей видимости, у Судзиловского были серьезные сомнения по поводу того, стоит ли приезжать в Советскую Россию. Он ссылаясь на наличие у него двух приемных сыновей, которых он не мог бросить на произвол судьбы. Да и третья жена Судзиловского, японка Охара, не горела желанием ехать в далекую и не понятную для нее страну.

Только в 1930 г. престарелый эмигрант окончательно решил переехать в СССР. Самарских родственников он известил об этом письмом. Но здоровье 79-летнего человека не выдержало долгого переезда. 30 апреля 1930 г., заболев воспалением легких, Николай Константинович скончался на перроне вокзала китайского города Тяньцзинь. Урна с его прахом до 1946 г. хранилась в семье, а затем была захоронена в семейной усыпальнице семьи Охара на японском острове Амакуза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.